

НОВАЯ ПОЛЬША 6/2011

Содержание

1. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
2. СТИХОТВОРЕНИЯ В НОВЫХ ПЕРЕВОДАХ
3. МОЛОДАЯ ПОЛЬША
4. МОЛОДАЯ КОЖА
5. РЕШЕНИЕ СЛОЖНОЙ ЗАДАЧИ
6. КЕРСКИЙ — ПОЛЯК ПО ВЫБОРУ, НО ЧУЖОЙ
7. УСТАЛОСТЬ ОТ ТРАУРА
8. В ДЕРЕВНЕ НЕТ ДЕРЕВНИ
9. Рассказы из книги «ПРОДАННАЯ МУЗЫКА»
10. ПЕРЕДАТЬ УСЛЫШАННОЕ И УВИДЕННОЕ
11. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
12. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
13. УЛЫБКА СУДЬБЕ

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «220 лет назад Великий Сейм принял в варшавском Королевском замке конституцию 3 мая (...) Сегодня (...) недалеко от замка, в Кордегардии перед зданием министерства культуры, выставлена на всеобщее обозрение рукопись конституции 3 мая — наша национальная реликвия. Она выставлена напротив Президентского дворца, так как сегодня на страже действующей конституции стоит президент (...) Конституция 3 мая должна была вывести страну из хаоса и упадка, положив конец анархии, разрушавшей государство изнутри (...) Конституция действовала недолго. Произошла катастрофа — врагам конституции при поддержке внешнего врага удалось задавить это великое начинание (...) Последним ударом стали разделы Польши и долгая ночь порабощения (...) Так будем же помнить, что наша независимость, обретенная 22 года назад, — настоящий подарок судьбы на фоне драматического опыта последних двух столетий. Польша окрепла, у нее стабильная демократическая система, это правовое государство. Будем же ценить это и радоваться этому. Научимся по-настоящему отождествляться с этим наследием, становиться на его защиту и сегодня. Поднимем высоко головы, гордясь не только конституцией 3 мая, но и достижениями нынешней суверенной, демократической Польши» — из выступления президента Республики Польша Бронислава Коморовского по случаю годовщины принятия конституции 3 мая. («Газета wyborcza», 4 мая)

• «Конституция 3 мая (вместе с предварявшими ее законами) вводила в Речи Посполитой строй, напоминавший устройство тогдашней Англии. Она избавляла польский парламентаризм от мучивших его призраков, устанавливая голосование большинством голосов, независимо от инструкций воеводских сеймиков (по налоговым вопросам был введен принцип квалифицированного большинства — три четверти голосов). Согласно конституции, король назначал правительство, ответственное перед парламентом, а правительственные указы должны были подписываться монархом и соответствующим министром. Конституция давала широкие права мещанам (...) упоминала о крестьянах, обещая заботиться о них, а прибывавшим из-за границы предоставляла полную личную

свободу (...) К сожалению (...) она урезала политические права безземельной шляхты (...) — значительной части политически активных граждан, которые (...) чувствовали себя патриотами и составляли костяк польской армии и тогда, и много лет спустя (...) Свободные выборы монарха упразднились (...), а трон [после смерти Станислава Августа Понятовского] должен был перейти к династии саксонских Веттинов (...) Конституция объявляла «святую римскую веру» господствующей религией (...) Год и две недели спустя в Польшу вступили русские войска. (...) Карл Маркс сказал: “При всех ее недостатках эта конституция на фоне русско-прусско-австрийского варварства предстает перед нами как единственное проникнутое духом свободы творение, которое когда-либо самостоятельно создавалось Восточной Европой”». (Адам Кожуховский, «Политика», 30 апр.)

• «Сам момент принятия конституции 3 мая — это, в сущности, недоразумение: в пылу дискуссии король уже в четвертый раз хочет взять слово, чтобы ответить одному из противников проекта, и поднимает руку. Часть депутатов воспринимает этот жест как начало присяги конституции — в общем гуле такая ошибка вполне естественна. Впоследствии король Станислав Август написал: «А наши уже приняли это за знак моей присяги. Они бросились толпой к трону, и я, видя, что дело можно сделать, сделал». Никакого постановления Сейма, никакого подсчета голосов, потом в церковь — и «Te Deum laudamus» [«Тебя, Бога, хвалим»]. Ничего удивительного, что противники конституции подчеркивали ее «беззаконность». Даже среди тогдашних граждан, т.е. (максимум) десятой части жителей Речи Посполитой, эту революцию поняло лишь меньшинство. Для остальной шляхты она означала нарушение принципов свободы и в лучшем случае была воспринята равнодушно». (Бартломей Сенкевич, «Тыгодник повсехный», 8 мая)

• Потомки 422 депутатов и сенаторов, принявших в 1791 г. учредительный акт современной Польши, т.е. конституцию 3 мая, рассеяны по всем континентам (...) Общество потомков Великого Сейма подчеркивает, что его цель (...) активное участие в общественной жизни. Главной инициативой общества стал Всепольский школьный конкурс знаний о Речи Посполитой времен Великого Сейма. В этом году его впервые взяло под покровительство министерство образования. И впервые в этом году конкурс не состоялся. Министерство не успело разослать в школы информационные материалы». (Мая Нарбут, «Жечпосполита», 30 апр.)

• «В этом году исполняется 220 лет со дня принятия конституции 3 мая и 90 лет со дня принятия мартовской конституции (...) Обе были очень современны и важны (...) Конституция 1921 г. создавалась еще в период польско-советской войны. Она была достижением самых выдающихся юристов воссозданной Польши — настолько совершенным, что перерастала всё, что в политической культуре того времени было приемлемо. Наверное, именно поэтому в первые шесть лет ее действия часть политиков, в т.ч. маршал Юзеф Пилсудский, очень старалась упразднить эту конституцию и установленный ею порядок, чтобы легче было ввести авторитарное правление (...) Сама по себе конституция — без политической и правовой культуры — беззащитна перед людьми, их интересами и страстями, перед нежеланием ограничивать и уравнивать органы власти, перед стремлением заполучить исполнительную власть в вечное пользование (...) Значительная часть польской и литовской элиты похоронила конституцию 3 мая еще до того, как она вступила в действие, так как у этих людей были собственные интересы, противоречившие интересам Речи Посполитой», — проф. Анджей Жеплинский, председатель Конституционного суда. («Жечпосполита», 2-3 мая)

• «В Польше принимаются законы, о которых с самого начала на основании юридической экспертизы известно, что они не соответствуют конституции. А потом, когда Конституционный суд опротестовывает их, они все равно нередко остаются в силе. На практике это означает, что конституция для многих польских политиков — просто бумажка. Они считают, что она их власть никак не ограничивает», — Лешек Бальцерович. («Тыгодник повшехный», 8 мая)

• «Папа-поляк беатифицирован (...) Теперь ему будут посвящаться церкви (...) Вчера на улицы Рима вышло около миллиона паломников (...) Судя по флагам, больше всего было поляков и итальянцев. В Рим приехало около 80 тыс. паломников из Польши (...) Президент Бронислав Коморовский прилетел вместе с бывшими президентами Польши (...) День памяти блаженного Иоанна Павла II Церковь будет праздновать 22 октября — тогда начался понтификат польского Папы». («Газета wyborча», 2-3 мая)

• «Иоаннов Павлов II в Польше около 800. В среднем они стоят на пьедесталах в каждой третьей гмине. И, несомненно, их будет всё больше (...) В 72 случаях памятники Папе отлиты из бронзы (...) Это самый дорогой материал — одно лишь изготовление статуи стоит около 100-120 тыс. злотых (...) Столь

же красивый памятник, но из полимерной смолы, можно заказать за 20 тыс. злотых с доставкой (...) В магазине с садовыми фигурами в Шафлярах большой Папа стоит 9 тыс. злотых (...) Иоанн Павел заслуживает мрамора. Эффекты можно увидеть в Тчеве и во Вжесне (...) Песчаник (...) не только пачкается, но еще и немного порастает мохом. (...) Папа из песчаника должен быть покрашен: (...) тело побелено, а лицо должно быть телесного цвета — бежевое или кремовое». (Милена Рашид Джехаб, «Ньюсуик-Польша», 1 мая)

• «Вчера в Варшаве имя беатифицированного Иоанна Павла II красовалось на красных флагах. А вместо Маркса левые радикалы охотно цитировали слова Папы (...) «Мы — за социальную справедливость, о которой говорил Кароль Войтыла (...)», — объяснял Петр Иконович (...) Председатель Всепольского соглашения профсоюзов (ВСП) Петр Гуз заметил: «Думаю, что все, кто сегодня проталкивается к первым скамьям у алтаря, должны помнить, что говорил великий поляк, ныне блаженный» (...) Ярослав Немец, активист из Люблина: «На самом деле это мы, красные, думаем о том, что сказал Папа. А те только оббивают колени. Мы хотим воплотить в жизнь его общечеловеческие идеи»». (Гжегож Шиманяк, «Газета выборча», 2-3 мая)

• «Мы, люди из Восточной Европы, долго были похожи на восставшие арабские страны. Мы ждали не столько истребителей и авианосцев, сколько признания нашего права решать свою судьбу. Так и не дождались. Запад равнодушно смотрел, как в 1956 г. истекает кровью Венгрия, равнодушно смотрел в 1968 г. на Чехословакию (...) Теперь мы и сами стали чем-то вроде Запада и без особых эмоций смотрим на арабский мятеж. Ждем, когда он будет обескровлен. Ждем, когда кто-нибудь наконец наведет там порядок. Нам, в сущности, всё равно, кто там придет к власти. Главное, чтобы поскорее пришел и стабилизировал ситуацию — ведь мы не можем каждый раз нервничать, приезжая на заправку (...) Мы смотрим издали на людей, которые жаждут перемен и отдают за это жизнь, но нам нечего им предложить. Мы их боимся, потому что они другие. И не хотим, чтобы они стали на нас похожи, потому что тогда они придут сюда». (Анджей Стасюк, «Тыгодник повсехный», 17 апр.)

• «Лех Валенса стал во главе польской делегации, приехавшей вчера в Тунис, чтобы поддержать строительство демократии (...) В Тунисе бывший президент Польши встретился с временным президентом Туниса Фуадом Мебазой и с советом, ведущим подготовку к первым свободным выборам 24 июля (...)

Членов совета больше всего интересовал польский люстрационный опыт. Валенса советовал не исключать из политической жизни бывших деятелей режима (...) Он призвал к индивидуальному рассмотрению вины каждого (...) Кроме того, он убеждал тунисцев не сворачивать влево: «Нельзя повторять ошибки коммунистов, которые задушили капитализм, отобрали имущество. На капиталистов надо нажимать, но не уничтожать их», — подчеркнул Валенса». (Доминика Пщулковская, «Газета wyborcza», 29 апр.)

- 26-я польская жертва войны в Афганистане. «Ночью в варшавской больнице скончался старший рядовой Павел Станяшек. Полтора года назад он был тяжело ранен в Афганистане. В результате взрыва мины-ловушки у него были ампутированы обе ноги и обездвижена рука». («Газета wyborcza», 22 апр.)

- По данным Главного статистического управления (ГСУ), холодильники имеются в 98,5% польских домашних хозяйств. Стиральными машинами пользуются 89% семей. Пылесосов нет всего в 4,6% домов. Посудомоечными машинами располагают только 12,3% поляков. 61,3% пользуются кухонными комбайнами. Микроволновые печи стоят в 50,1% домов. («Дзенник — Газета правна», 19 апр.)

- «Поляки покупают всё больше (...) Потребление продолжает стимулировать экономический рост. Рост ВВП в первом квартале приблизился к результатам четвертого квартала 2010 года (...) В марте объем розничных продаж был на 9,4% больше, чем в аналогичный период прошлого года (...) Безработица в марте составляла 13,1% (в феврале — 13,2%). (...) В апреле т.н. опережающий индекс потребительского доверия (показывает, как домашние хозяйства оценивают свое будущее в ближайшие несколько месяцев) вырос по сравнению с мартом на 4,3% — до 29,8%. Заметнее всего улучшились оценки уровня безработицы, экономической ситуации в стране и финансового положения польских домашних хозяйств». (Дзенник — Газета правна», 28 апр.)

- «К концу апреля безработными были 2,04 млн. поляков, т.е. 12,6%. Это на 0,5% меньше, чем в марте, на 0,6% меньше, чем в феврале и на 0,4% меньше, чем в январе, сообщило министерство труда и социальной политики (...) Падение числа безработных в начале второго квартала типично, так же как и ежегодный рост безработицы в конце года, после окончания сезонных работ». («Дзенник — Газета правна», 9 мая)

- «Что можно купить за 50 злотых? В мире появилась новая единица измерения — потребительская корзинка Ярослава Качинского. Покупки Ярослава Качинского в варшавском универсаме, когда за картошку, сахар, муку, хлеб и курицу он заплатил более 50 злотых, вдохновили пользователей интернета. Они сравнивают, что за такую же цену можно купить в разных частях Польши и даже всего мира. Фотографии «покупок за 50 злотых» заполнили портал Pokazywarka.pl». («Дзенник — Газета правна», 20 апр.)

- «В марте средняя зарплата в фирмах выросла на 4%. Это меньше, чем инфляция, которая достигла 4,3%. Не оправдал ожиданий и рост занятости — она выросла на 4,1% против ожидавшихся 4,3%». («Жечпосполита», 19 апр.)

- «В 2010 г. дефицит государственных финансов составил 7,9% ВВП. Польша — одна из пяти стран ЕС, в которых состояние финансов ухудшилось по сравнению с 2009 годом. Уровень задолженности оказался ниже, чем ожидалось. По европейскому методу подсчета он составил 55% ВВП». («Жечпосполита», 27 апр.)

- «Министр финансов Яцек Ростовский планирует ограничить дефицит местных самоуправлений до 4, затем 3,2 и, наконец, до 1% планируемых доходов (...) В результате крупные инвестиции самоуправлений будут приостановлены (...) 94% государственного долга генерирует правительство; местные самоуправления, распоряжающиеся третьей частью государственных денег, несут ответственность лишь за 6% общей задолженности. При этом органы самоуправления всё время инвестируют, а правительство на инвестиции тратит лишь 5% своего бюджета. Самоуправления — в среднем 23% своих доходов. Так что курс, избранный Ростовским, направлен против самоуправлений и тормозит развитие (...) Такие действия приведут к тому, что у министра финансов будут большие проблемы с доходами государства (...) Министр Ростовский, сам того не желая, сделал то, чего не удалось пока ни одному политику: объединил самоуправленцев разных взглядов и политических ориентаций», — Рафал Дуткевич, вот уже 9 лет президент (мэр) Вроцлава, трижды победил на выборах в органы местного самоуправления. («Ньюсуик-Польша», 15 мая)..

- «В области торгового обмена польское сельское хозяйство впервые перешло из дефицитного сектора экономики в профицитный (...) В прошлом году профицит составил 10,3 млрд. злотых (...) За 7 лет общей [европейской] сельскохозяйственной политики в село поступило более 200

тыс. машин и разнообразных технических средств (...) У нас очень современное скотоводство, а также производство молока и молочных продуктов. Скот разводится в хороших условиях, в отличных хозяйствах (...) Прекрасно развито и птицеводство. За последние 8 лет мы удвоили производство птицы», — говорит министр сельского хозяйства Марек Савицкий. («Газета wyborcza», 2–3 мая)

• «Большинство польских птицеводов, разводящих кур-несушек, применяет клеточное разведение — расставляет клетки в несколько этажей, а на каждую из четырех сидящих в клетке кур отводит пространство величиной с лист бумаги формата А4. В одном курятнике держат до трех тысяч кур. У кур нет возможности проявлять свои основные рефлексные вроде копания и укладывания перьев. Они не могут пребывать в стае, хотя это для них важно — ведь это общественные птицы. Лишенные дневного света и свежего воздуха, они ранят лапы, стоя на металлической сетке, стирают перья о стенки клеток. Отходы падают на соседок снизу. Из-за стресса они заклёвывают друг друга. Поэтому им подрезают — без обезболивания — клювы, органы очень чувствительные, где особенно много нервных окончаний. Когда падает яйценоскость (...) их лишают света и еды на восемь дней, а воды — на два дня. После этого голодовку повторяют через каждые три дня. Тогда они теряют остатки перьев. После возвращения регулярной кормежки они регенерируются и начинают нести яйца (...) Евросоюз решил, что с 2012 г. клетки должны быть больше и с насестами (...) По данным польского министерства сельского хозяйства, на 591 птицевода, применяющего клеточное разведение, это требование выполнили лишь 99». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 20 апр.)

• «Я знаю, что Польша — христианская страна и что именно христианство глухо к страданиям животных, т.е. существ, в биологическом смысле самых нам близких (...) Животные страдают так же, как и мы, в силу неумолимых законов природы, и этого мы изменить не можем. Но они страдают — жестоко, невообразимо — и от наших человеческих рук (...) Я знаю многих священников, епископов, с некоторыми дружу. И я спрашиваю: откуда у этих почтенных и добрых людей такое абсолютное равнодушие к мукам животных? (...) Уважаемые мои знакомые, особенно епископы. Знаете ли вы, что ваше молчание — для многих соблазн, искушение и что эти люди (очень достойные) из-за вашего молчания уходят из Христовой Церкви?» — Ежи Новосельский, художник и мыслитель (1923–2011). («Пшеглэнд православный», апрель)

• «Только 23% дел об издевательствах над животными заканчиваются обвинительными актами. Наказания бывают мягкими (...) По данным генеральной прокуратуры, в 2009–2010 гг. было заведено почти 5 тыс. дел об издевательствах над животными. Но лишь в 1,1 тыс. случаях следователи предъявили подозреваемым обвинение (...) 2,1 тыс. дел было прекращено, а почти в 1,5 тыс. случаев (каждое третье дело) после предварительного расследования следователи отказались возбудить дело. Прокуроры часто прекращают дела, ссылаясь на “низкую общественную опасность действия”». (Гражина Завадка, «Жечпосполита», 18 апр.)

• «Павел Сулик: «А что вы думаете о стране, в которой трое мальчишек убивают собаку, суд приговаривает их к наказанию, после чего тысячи граждан протестуют в интернете, требуя более сурового приговора?» (...) Жан Ролен, писатель и журналист: «Это значит, что отношение к животным в Польше переходит из фазы традиционного отношения к ним как к вещи в фазу дискуссии об их правах. Если появился протест, значит, мы осознали, что несем ответственность за животных»». («Тыгодник повсехный», 1 мая)

• «В прошлом году в канцелярию премьер-министра граждане подали 16 841 заявление, петицию и прошение. По данным за последние 13 лет, из всех премьер-министров наши соотечественники чаще всего пишут именно Туску. Больше всего жалоб и недовольства связано с действиями министров юстиции и инфраструктуры. Увеличивается число жалоб на министра сельского хозяйства (...) В 2010 г. канцелярия премьер-министра ответила на 4,5 тыс. писем. Более 2 тыс. дел она передала на рассмотрение соответствующим инстанциям. 5,5% из них было решено в пользу просителей (...) 3880 писем к премьеру, присланных в 2010 г., — это комментарии или анализ актуальных событий». («Жечпосполита», 22 апр.)

• «Всё более частым явлением стали аресты талантливых предпринимателей (...) Использование спецслужб для устранения конкурентов стало нормой (...) Пишется анонимный донос в налоговое управление (...) Начинаются мытарства. Для начала поднимается шумиха. Потом банки расторгают часть договоров. Потом предпринимателя арестовывают, чтобы он не мог спасти фирму. Если доказательств вины нет, прибегают к аресту ради получения показаний, в Польше запрещенному, но постоянно применяемому. Цель: ты должен признать себя виновным и назвать других (...) Хуже предпринимателям из провинции. У них нет денег на адвокатов, а даже если есть, местные адвокаты

не хотят ссориться с чиновниками (...) Ни у одного из чиновников, предъявивших необоснованные обвинения, волос с головы не упал. Все они продвинулись по служебной лестнице (...) Начальник чиновника не заинтересован в выявлении его вины — ведь таким образом он признался бы в собственном недосмотре (...) А прокуроров защищает положение о признании их ошибок недействительными за давностью по истечении года (...) Европейский суд справедливости несколько раз налагал на Польшу штрафы за содержание предпринимателей под стражей без процессов. В случае оправдания они требуют многомиллионных компенсаций и обычно получают их (...) Если предприниматель может себе это позволить, он платит безосновательно навязанные дополнительные налоги и ждет приговора, который будет вынесен после многолетних процессов. Каждый год промедления с решением — это всё более высокие проценты. Есть предприниматели, которые за проценты от несправедливо взимаемых у них государством налогов купили себе самолеты». (Эльжбета Исакевич, «Тыгодник повсехный», 8 мая)

- «В прошлом году число сотрудников государственной администрации увеличилось на 12,2 тыс. человек. Быстро растет бюрократия в органах местного самоуправления (...) Рост занятости в администрации на 12,2 тыс. человек может показаться небольшим по сравнению с 2009 г., когда число чиновников увеличилось на 40,5 тыс. человек. Однако он показывает, как разрастается бюрократия. По последним данным ГСУ, в 2010 г. занятость в государственной администрации выросла на 2,8% и достигла 440,5 тыс. человек». («Жечпосполита», 6 мая)

- «Согласно опросу ЦИОМа от 7-13 апреля, впервые за год с лишним противников правительства оказалось больше (34%), чем его сторонников (33%)». («Газета wyborча», 20 апр.)

- Согласно апрельскому опросу ЦИОМа, президент Бронислав Коморовский пользуется доверием 63% поляков. Следующие места занимают: министр иностранных дел Радослав Сикорский — 50%, председатель Союза демократических левых сил (СДЛС) Гжегож Наперальский — 47%. Самое большое недоверие поляки испытывают к лидеру «Права и справедливости» (ПиС) Ярославу Качинскому — 52%. («Жечпосполита», 27 апр.)

- «Ярослав Качинский не признаёт польского государства, поэтому он не участвовал в государственных мероприятиях по случаю годовщины [смоленской катастрофы]. Он организовал свои, альтернативные мероприятия. Депутаты от ПиС

сознательно игнорировали распоряжения органов самоуправления по поддержанию общественного порядка (...) Не обошлось без оскорблений полицейских», — проф. Ян Видацкий. («Пшеглёнд», 8 мая)

• «Не следует обвинять Качинского в фашизме. Ему достаточно обычного национализма — эмоций, которые этот политик умело разжигает и поддерживает в поляках при помощи большой группы церковных иерархов и простых священников. Всё это происходит в Европе, переживающей экономический кризис и возвращение призраков национализма, т.е. в Европе уже сейчас несколько пугающей. Поэтому нельзя позволить Качинскому уйти от вопроса, заданного ему Стефаном Братковским: неужели такой эрудит, как председатель ПиС, не знал, что лозунг: «Польша, проснись!», который он недавно выдвинул, поразительно похож на обращенный много лет назад к немцам? Плохо, если не знал, еще хуже, если знал». (Войцех Мазовецкий, «Политика», 4-10 мая)

• «До сих пор неясно, почему несколько десятков лет назад стольких интеллектуалов привлек коммунизм сталинского образца. Но намного труднее будет ответить на вопрос, почему в современной Польше столько людей дало себя окрутить «писовской» пропаганде. Коммунизм был хотя бы связным проектом перестройки общества, утопической социальной концепцией», — проф. Иренеуш Кшеминский. («Жечпосполита», 11 мая)

• «С конституционной точки зрения как предложение судить премьер-министра Дональда Туска государственным трибуналом, так и идея объявить ПиС вне закона, имеют одинаковый смысл — то есть никакого. Оба требования очевидным образом противоречат не только конституции, но и основным принципам демократии. К ним следует относиться как к пустым политическим угрозам пропагандистского характера. Но это не означает, что они маловажны и невинны (...) Предпринимаются попытки задействовать в целях текущей политической борьбы конституционные механизмы, предназначенные для случаев крайних и нетипичных. Это указывает на эрозию конституции и пренебрежение принципами демократической системы (...) Оба эти требования — объявить ПиС вне закона и поставить Дональда Туска перед государственным трибуналом (...) — разжигают истерику и чрезмерные страсти. Это соблазн победить нелюбимую партию неполитическими методами», — проф. Войцех Садурский. («Жечпосполита», 5 мая)

• «Налицо непреодолимый политический разлом между крупнейшей правящей и крупнейшей оппозиционной партиями. Одна из сторон этого конфликта считает себя цивилизованной, в отличие от второй, которая — по мнению первой — цивилизованной не является. Та, в свою очередь, считает себя патриотической, отказывая в этом сопернице. Естественно, ни одна из сторон не признает диагноза противоположной (...) Можно услышать, что цивилизационное преимущество — это лишь слепое копирование чужих моделей и невнимание к собственной традиции. И наоборот: обвинение в отсутствии патриотизма считается злоупотреблением и манипуляцией шовинистов (...) Поляки стараются избегать публичных разговоров о политике, если у них нет уверенности, каких взглядов придерживается собеседник (...) Несколько преувеличивая — и в то же время предостерегая, — можно сказать, что наша ситуация близка к Руанде, разделенной на благородных/лживых (тутси) и угнетаемых/фанатичных (хуту). Так же, как в том обществе, на первый взгляд не видно, кто принадлежит к какой группе, но все, в сущности, знают, с кем имеют дело». (Ярослав Флис, «Тыгодник повсехный», 1 мая)

• «Мы имеем дело с двумя племенами, и это тем более удивительно, что оба они вырастают из одних и тех же корней «Солидарности». Эти племена не только воюют друг с другом, но и пользуются агрессивным, нередко гнусным языком, отказывая друг другу в праве на участие в политической жизни. Случилась ужасная вещь: после 20 лет демократии глава оппозиции не признаёт законно избранного президента и не готов к диалогу с законно избранным правительством», — бывший президент Польши Александр Квасневский. («Газета wyborча», 4 мая)

• «Польская специфика — повсеместное использование вульгаризмов. Причиной может быть система образования, не способствующая созданию плюралистического общества. Иерархичная и абсолютистская, она мешает молодежи раскрыть свой творческий потенциал, к которому относится свысока. Достаточно открыть газеты: есть «мы» и «они». Неважно, какой политический лагерь мы будем рассматривать, — везде черно-белые аргументы. Пытаясь защититься от того, что называется властью, люди упрощают свое мировоззрение, потому что не научились воспринимать мир во всей его сложности. То, что люди сквернословят, — лишь маргинальное проявление более глубоких и масштабных процессов», — проф. Михаил Флейшер. («Впрост», 15 мая)

- «ПиС обладает огромными возможностями мобилизации электората, а ГП — лишь страхом перед ПиС и призывами к здравомыслию. Кроме того, на стороне «Платформы» человеческое желание, чтобы всё было спокойно. По-моему, этого для правящей партии маловато. ГП — партия без фантазии, без долгосрочного, способного кого-либо увлечь плана. Это партия меньшего зла», — проф. Ежи Шацкий. («Газета wyborcza», 13 апр.)

- «В четверг Свидницкий окружной суд объявил недействительным второй тур выборов президента Валбжиха, а также аннулировал депутатский мандат Петра Кручковского из ГП в связи с покупкой голосов. Это решение стало следствием протеста избирателей (...) Во время судебного разбирательства Роберт С. и Мартин Б. (обоих обвиняют в коррупционных действиях во время избирательной кампании) признались, что покупали голоса за кандидатов ГП в городской и поветовый советы, а также за Кручковского (...) В ходе двух туров они купили несколько сот голосов. За каждый платили в среднем по 20 злотых, иногда давали выпивку и еду. Согласно показаниям Роберта С., голоса покупали еще несколько человек. Во втором туре выборов президента города группа Роберта С. могла купить до тысячи голосов». («Газета wyborcza», 30 апр. — 1 мая)

- «После аферы с покупкой голосов суд постановил повторить второй тур выборов. Однако придется повторить оба, потому что Петр Кручковский отказался от занимаемой должности». («Жечпосполита», 10 мая)

- «Согласно опросу TNS ЦИМО, 70% поляков считают, что ситуация в стране развивается в плохом направлении. 20% придерживаются противоположного мнения, а 10% затрудняются с ответом (...) Из апрельского опроса ЦИОМа следует, что 54% опрошенных положительно оценивают президента Бронислава Коморовского (...) Плохую оценку ему выставляют 28% опрошенных (...) Работу Сейма плохо оценивают 67% анкетированных, хорошо — 19%». («Жечпосполита», 22 апр.)

- Согласно опросу Института изучения общественного мнения ГфК «Полония», проведенному с 28 апреля по 3 мая, ГП поддерживают 45% поляков, ПиС — 33%, СДЛС — 13%, крестьянскую партию ПСЛ — 5%. («Жечпосполита», 10 мая)

- «До вчерашнего дня несколько тысяч кандидатов в парламент по спискам ГП могли присылать в свои партийные ячейки специальные персональные анкеты (...) Кандидаты должны

были указать, в частности, этапы своей профессиональной карьеры, знание языков, сведения об имуществе (например, купили ли они что-нибудь в течение пяти последних лет у государства или местного самоуправления), информацию о кредитах и хозяйственной деятельности. Кроме того, нужно было написать, работают ли члены их семей (в т.ч. невесты/женихи или сожители) в государственной или местной администрации, а также ведут ли они бизнес, «имеющий отношение к государству или органам местного самоуправления»». («Газета wyborcza», 30 апр. — 1 мая)

- «Их называют «сигналистами» (от английского whistleblower) или обличителями. Это люди, которые из добрых побуждений обнаруживают на своих рабочих местах или в своем окружении важные для государства и общества нарушения. Практика показывает, что «сигналисты» становятся потом жертвами дискриминации, моббинга, их не продвигают по службе или увольняют (...) Юридическая защита «сигналистов» в Польше находится в зачаточном состоянии (...) В Польше сообщать о нарушениях невыгодно». (Изабелла Каспшак, «Жечпосполита», 14 апр.)

- «Более 400 нападений и инцидентов на расовой почве, произошедших в Польше в недалеком прошлом, описаны в последней «Коричневой книге 2009-2010» (...) Объектами расовой ненависти становятся не только чернокожие и евреи, но и иноверцы (...) В «Коричневой книге» можно найти много антисемитских цитат из передач радио «Мария» (...) Антирасистское общество «Больше никогда» действует с 1996 г. и сотрудничает с Центром мониторинга расизма в Восточной Европе». («Газета wyborcza», 19 апр.)

- «С интернет-форумов газет «Факт» («Ринглер Аксель Шпрингер — Польша») и «Пульс бизнеса» («Бонье Бизнес — Польша») исчезли антисемитские и оскорбительные посты. Это результат исков против издателей газет, которые подал в апреле министр иностранных дел Радослав Сикорский. «Пульс бизнеса» опубликовал на своем сайте извинения. «Факт» передал свои извинения Польскому агентству печати». («Газета wyborcza», 6 мая)

- «Сенат Варшавского университета единодушно принял решение о присвоении титула доктора honoris causa Шеваху Вейсу, израильскому политологу и дипломату (...) Вейс преподает, в частности, на факультете политических наук Варшавского университета, на кафедре Эразма Роттердамского. Вейс родился в 1935 г. в Бориславе. Немецкую оккупацию пережил благодаря помощи украинцев и поляков. В Израиль

уехал в 1947 году. Профессор политологии, а также бывший председатель Кнессета (...) председатель совета института «Яд-Вашем» и посол Израиля в Польше (...) Постоянный публицист «Жечпосполитой» (...) «Я тронут и благодарен. Выпускниками Варшавского университета были многие выдающиеся создатели Израиля, в т.ч. премьер-министр Менахем Бегин», — сказал Вейс». («Жечпосполита», 7–8 мая)

- «Национальный музей сельского хозяйства и пищевой промышленности в Шреняве близ Познани приглашает летом на мероприятия, посвященные истории, культуре и обычаям живущих в Польше национальных меньшинств с их участием. Уже прошли дни литовцев, татар, белорусов, 26 июня героями дня будут украинцы». («Газета wyborcza», 7–8 мая)

- «6 апреля министр внутренних дел и администрации Ежи Миллер и глава польской православной Церкви митрополит Савва подписали договор о финансировании Высшей православной духовной семинарии из бюджета (...) 11–13 апреля в Сейме прошла международная конференция православных парламентариев (...) Иностранные гости были удивлены выгодными для Церкви «меньшинства» правовыми решениями и масштабами церковного строительства», — депутат Эугениуш Чиквин. («Пшеглэнд православный», май)

- «В Перемышле украинцам вернули «Народный дом» (...) За кирпичный дом на ул. Костюшко Союз украинцев Польши заплатил 30 тыс. злотых, так как городской совет Перемышля согласился продать его с 99 процентной скидкой». («Пшеглэнд православный», май)

- «Председатель главного совета не признанного Минском Союза поляков Белоруссии Анджей Почобут вот уже месяц пребывает в следственном изоляторе. Он обвиняется в оскорблении президента Белоруссии Александра Лукашенко в статьях, написанных для «Газеты wyborczej»». («Жечпосполита», 7–8 мая)

- «Минуло 20 лет с начала вывода из Польши советских войск. Памятник Красной Армии всё еще стоит в Легнице. Почти 80% жителей хотят, чтобы он там остался». («Политика», 16 апр.)

- «Уже больше двадцати лет я борюсь, как могу, с именованьем меня профессором. К сожалению, безрезультатно (...) В странах, где университеты действительно автономны (Великобритания, США), на профессорские дипломы, вручаемые королем или президентом, смотрели бы в лучшем случае как на странность и уж наверняка как на покушение на

свободу науки, а значит, и университета. Во времена разделов Польши нам была навязана концепция, удобная для абсолютных монархов, а позже для коммунистов, которые, присваивая профессорские звания, контролировали жаждущие их толпы не столько ученых, сколько людей, мечтающих о привилегиях (...) и определенной доле независимости. Но сегодня (...) кому нужен государственный профессорский титул?» — Ежи Стемпень, юрист, бывший председатель Конституционного суда. («Дзенник — Газета правна», 26 апр.)

- «Варшавский суд присудил 15,5 тыс. золотых с процентами Алану Швайковскому, бывшему ученику лицея, который протестовал против несправедливой, по его мнению, системы оценок и после конфликта с учителями вынужден был перейти в другую школу. Судьи пришли к выводу, что достоинство и доброе имя ученика пострадали». («Тыгодник повсехный», 1 мая)

- «Сейм смягчил закон о борьбе с наркоманией. Незначительно. Суд будет решать, наказывать ли тех, у кого найдено небольшое количество наркотиков, по собственному усмотрению. Благодаря этому появится кто-то вроде арбитра, кто не будет бросать за решетку людей, в основном молодых, возможно, попавших в зависимость и нуждающихся в помощи, а не в тюрьме, где как раз свирепствует наркомания. При этом должно высвободиться больше сил для преследования дилеров». (Янина Парадовская, «Польска», 4 апр.)

- «В среду премьер-министр Дональд Туск обещал закрыть стадионы, на которых во время матчей будут возникать опасные ситуации. «Если в будущем инциденты не прекратятся, стадионы будут закрываться на более продолжительные сроки. До тех пор, пока это будет необходимо», — сказал премьер. Вчера он перешел от слов к делу. Коменданты великопольской и столичной полиции обратились к воеводам с просьбой провести ближайшие матчи при пустых трибунах». («Газета wyborcza», 6 мая)

- «С 2006 г. модернизированы, построены или достраиваются 65 стадионов (...) Почти все это — футбольные объекты». («Жечпосполита», 10 мая)

- «Вчера полиция арестовала (...) 26 болельщиков. (...) Им будут предъявлены обвинения в порче имущества, вторжении на стадион и нападении на полицейских (...) Полиция сообщила, что установлены личности 70 человек, которые 3 мая участвовали в беспорядках на стадионе в Быдгоще (...) В идентификации участвовали полицейские из Быдгоща,

Познани, Варшавы, Сосновца и Щецина (...). В операции по задержанию участвовали 200 полицейских (...). Восемь подозреваемых написали заявления о чистосердечном признании вины. Им грозят условные сроки, запрет входа на стадион на 4–6 лет и высокие штрафы». (Петр Житницкий, Петр Махайский, «Газета wyborcza», 11 мая)

- «Ежегодно европейские охотники оставляют в окружающей среде около 40 тыс. тонн олова (...) В Польше на эту тему молчат, хотя, пожалуй, 100 тысяч польских охотников «выбрасывают» в окружающую среду больше олова, чем все автомобили вместе взятые. Но на введение полного запрета на использование оловянных пуль и их замену стальными охотники согласиться не желают». («Газета wyborcza», 13 апр.)

- «В 2006 г. экологи обнаружили, что в Балтийском море гибнет треска. Тогда ее было меньше всего с начала исследований — менее 100 тыс. тонн (...) Евросоюз ввел лимиты, в результате чего польские рыбаки могли вылавливать только 10 тыс. тонн трески в год (...) Рыбаки превысили лимит в два раза и были наказаны. В течение следующих четырех лет им пришлось ловить на несколько тысяч тонн трески меньше. На этот раз они выполнили требования. Запреты ЕС, распространяющиеся на все балтийские страны, спасли вымирающий вид. Через четыре года рыбы стало больше (...) В 2010 г. ее было в три раза больше, чем в 2006 м (...) В 2010 г. Польше разрешили выловить 15,5 тыс. тонн трески (...) Если рыбаки будут придерживаться ежегодно устанавливаемых лимитов, то в 2012 г. в Балтийском море будет жить до 500 тыс. тонн трески. Тогда лимиты, вероятно, будут увеличены». (Магдалена Френдер-Маевская, «Ньюсуик-Польша», 3 апр.)

- «Гидротехнические установки на Висле и Одере — дамбы и турбины гидроэлектростанций (...) — приводят к гибели до 60% угрей бассейна Вислы и 44% — бассейна Одера. На небольших гидроэлектростанциях угри гибнут практически в ста процентах (...) 7 января с.г. Еврокомиссия запретила импорт и экспорт европейского угря в страны, не входящие в ЕС. Польское министерство окружающей среды (...) сообщило, что «по оценкам специалистов, популяция европейского угря по сравнению с 80 ми годами снизилась более чем на 95%»». («Газета wyborcza», 21 апр.)

- «Тысячи птиц оказываются замурованными живьем во время утепления домов. Помогите нам их спасти — призывают орнитологи, разыскивая волонтеров. Обычно это выглядит так. Жилищный кооператив или жилтоварищество решает утеплить дом (...) Рабочие ставят вокруг дома леса и

приступают к работе. При этом они не проверяют, живут ли в зазорах между перекрытием последнего этажа и крышей птицы, живьем зарешечивают их, обкладывают пенопластом и замуровывают. Это обычные стрижи, воробьи, галки, скворцы, ласточки (...) Ежедневно то тут, то там рабочие жестоко отрезают от мира птенцов этих птиц. Без еды и питья они умирают в муках (...) Как подсчитал проф. Мацей Луняк из Института зоологии Польской Академии наук, до 80% птиц, живущих в центре Варшавы, селятся именно в домах». (Доминика Ольшевская, «Газета wyborcza», 26 апр.)

• «Кардиостимулятор для собаки. «В последнее время у нас много пациентов, потому что давление резко скачет, а сердечники на это реагируют. Это чаще всего собаки, затем кошки, а в самом конце списка — лошади», — говорит доктор Уршуля Паславская, чья поликлиника, единственная в Польше, ставит животным кардиостимуляторы». («Газета wyborcza», 15 апр.)

• «Мы сознаём, что все живые существа хотят жить — причем жить свободно — не меньше, чем человек», — говорится в Манифесте Движения Дружин охраны природы, опубликованном в Польше благодаря Кшиштофу Войцеховскому, который во время пребывания на Украине в 2010 г. участвовал в Школе молодых дружинников в Национальном парке «Великий Луг»» («Дзика пширода», май)

Чеслав Милош

СТИХОТВОРЕНИЯ В НОВЫХ ПЕРЕВОДАХ

ПРИПОМИНАНИЕ

И острова минули мы,
И вёсны миновали,
И девушек, как персик
В пуховых щек овале.
Заискрились, мелькнули
Средь зелени неоны.
А с гор лились ручьями
Гитары перезвоны.
Тут губы в поцелуе
Над счетчиком мгновений
Проехали асфальтом
Под памятников тени.
Аэропортов полночь
Сияла с самолета.
О Греции, о Греции
Здесь разве помнит кто-то?
Наш мир, что, несомненно,
К благому изменился.
Блистающей машине
Подчинена земля.
Несчастье навещает

Несчастнейшие страны,
А мы, мы каждый счастливы,
Мы без вины, без раны.
Судьба к ним затеряет
Запутанные тропы,
И отделил нас океан
От той дурной Европы.
И кораблям свысока
Дает сигнал Свобода
О Греции, о Греции
Здесь разве помнит кто-то?
А что война за морем
Горит кровавым солнцем?
Да это лишь встречается
Среди отсталых горцев.
У них одно имущество —
Накидка из овчины,
И жизнь отдать задешево
Жалеть им нет причины.
Ну, варвары, способны лишь
Расправиться кроваво,
Да им ли демократия,
Им ли закон и право?
Дождь выпал, на Олимпе
Клубился ветер дымный,
Очередями краткими

Играли пули гимны.
На скалах эхо пушек
Отмеривало время
Тем, кто не знает, как так
Он без вины задремлет.
Они же, хоть виновны,
Давали, что имели:
Накидку и цепочку
Кораллов с губ в ущельи.
Дождь отмывает пятна,
Ложатся в землю-камень,
Кто ж не забыл о Греции?
А траурная мать.
Скажи мне, как измерить
Дел наших смысл и норы:
На пристанях богатствами,
Ценой ли договоров?
Иль что ни день гасимым
Светильником надеи,
Что нации на лучшие
И худшие не делит?
Так замолчи, не говори,
Что бьются государства,
Не то тебе из этих гор
Ответит праха горстка.
И потому-то не забыть

Страну того удела,
Что т а м , что начиналось там
Наше общее дело.

Вашингтон, 1947

Из книги «ПОСЛЕДНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ»

ПАН СЫРУТЬ

Цирюльник пану Сырутю на смертном ложе
поставил клизму. Турбуленции тела
ваша милость храбро сносила до конца.
А не так-то легко избыть бытие
И уснуть навеки вплоть до воскресения.
Когда последняя косточка рассыплется
в сухую пыль
И деревни с городами исчезнут
Он будет глаза протирать
Не найдя никаких былых названий.
Вернется на землю пан Шимон Сыруть
ковенский судья, литовский мечник,
с титулом витебского кастеляна.
Но не в те переменённые края,
что, пожалуй, было бы несправедливо.
Под ногою ощутит он вдоль Невежа дорогу,
деревушку Гинейты и паром в Вилайнах приветит.
Через тысячу лет будет вызван на Страшный суд
пан Шимон Сыруть
Среди тех, кто жил потом. Родня и знакомцы,

Неживые как и он но под фамилией

Прозоры и Забеллы.

Снова паром на Невеже и Ясвойны, Шетейны,

И белый костел в Опитолоках.

А судили вашу милость за пристрастье

К чинам и учрежденьям,

Которые ничего не значат,

Когда города и деревни исчезнут.

[набросок стихотворения, 2003]

ДЕВЯНОСТОЛЕТНИЙ ПОЭТ ПОДПИСЫВАЕТ СВОИ
КНИГИ

Ну так я вас пережил, мои враги!

Имена ваши мхом теперь порастают.

А как яростно вы лаяли в пылу травли

Предателя и выродка. Моралите говорит,

Что в конце всегда побеждает справедливость.

Ну, не всегда. Чуть послабже сердце,

Чуть поменьше выдержки, и трубы играют

Над бедным зайчишкой, а то и медведем.

Триумф не дает мне оснований гордиться.

Всего лишь одно из чудесных происшествий,

Вроде тех, что когда-то спасли меня

От Освенцима, как и (есть такие догадки)

От доли зэка где-нибудь на Воркуте.

Никакой своей заслуги я в этом не вижу.

Провидение бережет дураков и поэтов,

Как кто-то сказал. Компенсация вроде,

За то, что мы едва лишь игрушка
Таинственных сил, никому неизвестных,
И вменяемостью обладаем неполной.
Я верно служил польскому языку,
Для меня единственному из всех языков,
Он взывает, велит себя освящать,
А то питекантропы на нем говорят,
Которые мне отвратны, не скрою,
Но не меньше благих и чистых существ,
Чьи молитвы должны бы мир переменить.
Значит, польская речь — это долг,
А бывает — и страсть. Я ее не отдал бы
За шедевры наимудрейших стран.
Вы бывали правы, мои враги,
Указуя дрянные грёзы эгоиста:
Он нос задирал, он всех критиковал,
Нет чтоб с нами жить, он шел прямо к цели,
К этой своей славе, отгородившись гордыней.
Да, действительно, я свое написал.
Это значит всего лишь, что я сознаю,
Как опасно это дело для души.
Изучите хотя бы горстку биографий.
Мой ровесник Анджеевский Ежи
Или мой земляк от невежских берегов,
Пан Витольд Гомбрыс, ангелами не были.
И даже, думая о них, о том, какими были,

Об их одержимостях и жалких приемах
Монструозного эго, о несчастьи,
Я испытываю жалость и — опасенье:
Может, и я таков же, как они,
Может, дубом притворялся, а был гнилушкой.
Что за ничтожество. Но оно прощено.
Ибо они пытались прыгнуть выше себя,
Тщетно меряясь с пророками ростом.
Теперь, в старости, стою перед свидетелями,
Которые живым уже невидимы,
Разговариваю с ними, окликаю по именам,
А моя рука в это время подписывает книги.

В ТУМАНЕ

Если б хоть кто-то из этого что-нибудь уразумел.
Нет, хоть хромой, а с другими так быстро бежал, как умел.
Благодаря ничегошеньки не разуменью
даже действительное нам казалось тенью.
Ох, не хватало, ну, скажем, Фомы Аквината,
чтобы и званым, и избранным врезать как надо!
Были там где-то, конечно, церковные власти
Да заблуждённым во мгле они дали пропасти.
Бедные люди, бежали мы, даже в припляску,
Пусто кругом, в голове пустота под завязку.
Цивилизация наша — как этот разбитый кувшин.
Косо глазают на баб мужики, ну а те на мужчин.
Если детей, то невольно — плодим, как плодится.

И от провинции неотличима столица.
Как же тут выбратся, не подсказал бы, пан Адам?
Я приучён послушанию к старшего взглядам.
Правда, то было, когда танцевали фокстроты
и заводили валюту по имени злотый.
«Большевики, — это пьеса шла, — в польском
поместье».
Кто бы подумал, что это и вправду предвестье?
После звучали одни Иеремии плачи.
Хаос, иль общая каша, сказавши иначе.
Ты, мне пан Адам сказал, по велению долга
Всем растолкуй, что такое не тянется долго.
Проволкой можно кувшин обтянуть, что расколот.
Но за былое платить алименты на голод.
Чрева советы не слушай, когда пронесется.
А о поэзии не беспокойся. Пробьется.

УЧИТЕЛЬ МАТЕМАТИКИ

за той линией начинается смрад врожденный
а линия чтобы жить не нуждается в плоти
она извечно чиста и неизменна
мой дом и сад недалеко от леса
заполучил я жену Петронеллу
и двух дочек Софью и Агафью
я не соревнуюсь с учителем биологии
который толкует детям что доказали
законы науки
я подсматриваю семью

так же как хожу наблюдать лисиц
как пищат верещат
сикают и стучают
секут мясо капусту лук
варят в кастрюльках жарят на сковородках
пахнет как лисья нора с останками съеденных кур
бумажный кораблик уплыл
мы шли сквозь какие-то запущенные сады
Ядвига в малиннике разорвала платье
далеко загорались города мирограды
и всё охватил сон

[2002]

ЧЕРЕПАХА

Солнце из тумана выходит как зверь золотистый,
Рыжеволосый, с гривой лохматых лучей.
Она его не видит. Она не смотрит в небо.
Глаза, прикрытые выпуклыми веками,
Смотрят только в землю или в плитки пола,
Как здесь, в Ментоне, в доме Яна и Нели.
Мы — вид, высоко заехавший в развитии,
Со взором межоблачным и небодостижным.
Мы с жалостью наблюдаем
Как неловко она ходит под стульями
И съедает зеленый листик салата.
Что за помысел демиурга? Между двух щитов
Всунуть ящеричью форму, чтобы жизнь защищать

От нападений больших динозавров!
Но говорить с ней невозможно.
Когда она вдруг забегает в усердной спешке,
Напрасно объяснять, что ботинок Яна —
Не подружка, достойная черепашьего пыла.
Мы, как бы смущенные, созерцаем
Движенья копуляции, подобные человеческим,
И жидкую струйку, растекающуюся в лужу,
В то время как зверек замирает.
Единенье живых, но не до единства:
Как согласовать сознание и бессознание?
Янек и Неля не ловили черепаху.
Их унижало родство ее с ними.
Они хотели быть чистым интеллектом.
Вскоре они умерли, и на их стульях никого.
ХИМЕРА: МНОЖЕСТВО
Является во сне она, вылеплена
Из разных веществ, красок и имен.
Немного Кристина и немного Тереза,
С добавкой Софьи, щепоткой Магдалины.
Работает в фирме. В белом халате.
Другие, парикмахерши и маникюрши,
Не любят ее. Только что провыли:
«Ты притворяешься, ты ненастоящая.
Внутри у тебя ничего, nothing, nada».
Может, и так. Моя ли, не моя ли?

Вроде тут, со мной, а других соблазняет.
Приглядела себе проповедника,
Что в кофейне ее при всех облюнил,
А баба его, с криком, с плачем,
Примчалась ее побить. Между тем
Она рассказывает о медицинском заведении,
Где директор, милый старый мамонт,
Иногда по знакомству делает аборты.
(Кстати, однажды она вышла замуж когда-то за него).
И снова туда собирается, не спрошу — зачем.
Меня терзает страшная жалость, но и гнев.
«Мой ребенок или нет, — кричу, — не позволю!»
Над землей, от бледнеющих на рассвете звезд,
Звук бежит, нарастает. Так говорит тишина.
In Excelsis. Навеки. Благословенна.

ПОЗДНЯЯ СТАРОСТЬ

Окончились утренние пробужденья
со стоящей палкой
которая ведет и указывает дорогу.
Указывается Я, и это
совершенно черная пропасть.
Худшему нету дна.
Пришла пора набожных книжек.
Чтобы я вцепился в какую-то святую
например блаженную Кунигунду
и повис как мешок над бездной.

А она держится за рясу святого Франциска
и так возносимся всей гирляндой.

[август 2003]

ЧТО МНЕ

Что мне, да и еще там кому до того,
Что будут и дальше рассветы и закаты,
снег на горах, и подснежники,
и человечество с кошками и собаками?
Что нам до того,
что в великое землетрясение часть Северной
Калифорнии
обвалится в море?
Что рассмотрена будет легальность браков с
компьютерами,
Что возникнет кибернетическая планетарная
держава,
Что в 3000 году в Риме будут торжественно
праздновать
вступление в четвертое тысячелетие христианства?
Что нам до того — если в наших краях умолкает гомон
мира
И мы вступаем в Другое, за пространство и время.
Напрасно в обряде Дзядов нас искушают даром еды и
питья.
Не откликаемся, ибо нет языка, чтобы понять друг
друга с живыми.
И вянут бесполезно цветы, возложенные, когда мы
были уже далеко.

[2003]

НЕБО

Отче наш, сущий на небесах!

Выражение «сущий на небесах» означает не место, но величие Божие и его присутствие в сердцах праведных. Небо, Отчий дом, представляет собой истинное отечество, к которому мы стремимся и которому уже принадлежим.

Католический катехизис

Сколько я себя помню, всегда хотел быть на небе

И жил тут, зная, что это лишь на время.

Что когда-то мне будет дано вернуться в свое небесное отечество.

Не то чтобы я не думал: после смерти ничего нет.

Лгали себе святые и пророки, зиждители храмов и мудрецы и поэты.

Нет у нас и никогда не было ни Отца, ни дома.

Вопль поколений, чающих помилования, раздавался в пустыне и пропадал в пустыне, а они шли под землю вместе со своей иллюзией.

Маски трагедии, тиары, литургические одеяния окаменеют в болоте, как кости мамонта.

Так я думал, но признавал, что со мной говорит голос Небытия.

Против которого бунтовала моя плоть и кровь,

а они меня вели в долгом путешествии среди людей.

Сколько раз я испытывал любовь и гнев, отвращение к людям,

благодарность и преклонение.

Их слабость согревала меня, их сила подпирала меня,

они были со мной в моих снах и бессонных ночах.

Если б не они, я был бы беззащитен, а глядя на них,

слагал гимны

В честь буковых лодок, металлических зеркал,
акведуков, мостов и соборов.

Всего, в чем проявляется наше подобие
Несказанному, нашему Отцу на небесах.

[2003]

КОММЕНТАРИЙ К СТИХОТВОРЕНИЮ «НЕБО»

Автор этого стихотворения как будто считает, что вера в Бога основана на общении людей с людьми и на всём, что мы называем человеческой цивилизацией. Согласно Библии, Господь сотворил человека «по образу» Своему и «по подобию», и не божественная ли черта человека — присущая ему способность творить?

Цивилизация с ее постоянным, поразительным приростом открытий и изобретений представляет собой доказательство неисчерпаемых и воистину божественных черт человека. Но осторожно! В библейской притче о первородном грехе Адам и Ева поддались искушению змея: «Будете, как боги», — и отказались от единства с Богом ради своего самолюбия. Результатом было явление смерти, труда в поте лица, мук рождения и необходимости строить цивилизацию. Таким образом, если цивилизация доказывает божественные, неисчерпаемые творческие способности человека, то стоит заметить, что родилась она из бунта. Какой парадокс! Но, наверное, согласующийся с богословием, ибо бунт мог явиться лишь потому, что человек при сотворении был наделен свободой.

Итак, стихотворение обращается к запутанности христианского богословия и чем-то похоже на головоломку, но, пожалуй, единственная вина автора — в том, что он вторгся на территорию, которая роится вопросами, но содержит мало ответов.

[8 мая 2003]

СЫН ПЕРВОСВЯЩЕННИКА

Да, отец мой был первосвященник,
но напрасно меня теперь убеждают,

что мой долг — отца осудить.
Он был муж праведный и благочестивый,
защитник имени Господня.
Он обязан был беречь имя Господне
от скверны из уст человека.
На страстные чаянья моего народа
отвечали лжепророки, лжеспасители.
Неизвестный плотник из Назарета не первый,
кто выдавал себя за Мессию.
Мой отец был впутан в трагическое дело
откуда не было выхода.
В народных представлениях пришествие Мессии
стало равнозначно концу римской оккупации.
Мог ли синедрион допустить восстание,
что окончилось бы разрушением святого города?
Если б даже мой отец хотел спасти
Назарянина, тот нанес ему страшную рану.
Ранил его благочестие, самой сутью которой
была уверенность в бесконечном расстоянье,
отделяющем нас, смертных, от Творца.
Неужто вы, ученики Иисусовы, не понимаете,
что значит для ушей благочестивых ваше
утверждение,
будто этот человек был Богом?

[апрель 2003]

МОЛОДАЯ ПОЛЬША

Более двух миллионов молодых людей в нынешнем году впервые воспользуются правом голосования на выборах в Сейм. Это первое поколение Третьей Речи Посполитой, живущее со дня своего рождения в новой Польше. С политической точки зрения — лакомый кусок, который невероятно сложно проглотить.

Два месяца назад бывший депутат от партии «Право и справедливость» (ПиС) Барбара Бобуля, ссылаясь на результаты опросов, проводимых Центром исследования общественного мнения среди самых молодых избирателей (18–24 года), объявила, что избирательные приоритеты молодых поляков изменились. По ее мнению, молодежь теперь совершенно определенно выражает свои симпатии не «Гражданской платформе» (ГП), а ПиС. Доказательством этому могли служить результаты февральского опроса, показавшие, что в этой возрастной группе только 29% респондентов хочет голосовать за партию Туска, а за партию Качинского — целых 34%. Бобуля видит в этой разнице в несколько процентов некий сигнал к долгосрочным переменам, которые сулят успех ее партии.

О победе тут же объявили на партийных интернет-порталах, а вслед за этим результаты опросов были рассмотрены аналитиками. Они установили, что данные недостоверны; а более тщательно проведенные опросы все же показали, что на протяжении трех последних лет уровень поддержки ГП (по данным ЦИОМа) в возрастной группе 18–24 года снизился с 63% в феврале 2008 г. до 41% в январе 2011 г. В этот же период декларируемая поддержка партии ПиС возросла на 10% (то есть было всего лишь 11%, а стало 21%). Однако даже сотрудники ЦИОМа утверждают, что опросы по-прежнему основываются на недостаточно репрезентативной выборке, чтобы можно было считать их представительными; кроме того ежемесячные колебания чересчур велики, чтобы делать на их основе далеко идущие выводы. Однако вырисовывается определенная тенденция: на протяжении вот уже десяти с лишним месяцев самые молодые избиратели постепенно отдаляются от «Платформы», во всяком случае не приближаются к ней.

Эту тенденцию уже отметили в штабах Ярослава Качинского и Гжегожа Наперальского, и там было принято решение этот потенциальный молодежный электорат ГП переманить на свою

сторону. Тем более что на протяжении многих лет у них в этой группе было меньше всего сторонников.

Демобилизованный электорат

Борьба идет за три с лишним миллиона избирателей в возрасте 18–24 года, в числе которых два миллиона «дебютантов» в возрасте 18–22 года, то есть чуть больше 10% от числа тех, кто имеет право участвовать в выборах. Теоретически эти голоса могут предопределить результаты октябрьских выборов. — «Парадокс заключается в том, — поясняет сотрудник штаба ГП, — что в этой группе всегда много таких, кто еще не принял решения и кого можно было бы привлечь на нашу сторону. Но в то же время и нельзя, ибо они заявляют, что вообще не интересуются политикой. И вот уже на протяжении многих лет их никак невозможно склонить к участию в выборах»

Для сотрудников партийных штабов эта молодежь — весьма крепкий орешек. Результаты исследований («Молодежь-2008», которые проводил ЦИОМ в 65 школах среди 1400 юношей и девушек 18–19 лет) показывают, что 27% из них не интересуются политикой вообще, а две трети не в состоянии даже ответить на вопрос, каких взглядов они придерживаются — левых или правых. Таково же количество тех, кто не знает или не может назвать политическую партию, которая им близка. Обычно на выборы ходит не больше четверти из них.

«Это самая демобилизованная группа во всем электорате», — говорит проф. Радослав Марковский, директор Центра демократических исследований Высшей школы общественной психологии. Почему они не ходят на выборы? Потому что чувствуют себя выброшенными за рамки политики. Они говорят, что ни одна из партий не обращается к ним за поддержкой и не пытается представлять их мнения. Так они отвечают, когда их спрашивают о причинах их неучастия в выборах.

С партийной точки зрения обращаться к ним за поддержкой во время избирательной кампании — только терять время и деньги. Проф. Марковский говорит, что вопрос о том, кто управляет Польшей, решают избиратели в возрасте 30–65 лет.

«В свои программы партии обычно включают какой-нибудь пункт, имеющий отношение к молодежи, — говорит сотрудник предвыборного штаба ГП, — однако более действенное значение имеет факт привлечения для работы в почетном комитете фигуры, находящейся в фокусе их внимания — «селебрити», с которым они себя отождествляют.

Такие люди как Воевудский, Казик или Дода могут привлечь куда больше голосов, чем самая лучшая предвыборная программа». (Наверное именно поэтому премьер-министр Туск решился выступить в телепрограмме Мартина Меллера «Ланч с мастерами», пытаясь восстановить симпатии протестующих против него «селебрити»).

Когда в 2007 г. избиратели отодвинули ПиС от власти, было объявлено, что это произошло благодаря небывалому участию в выборах молодежи, которая массово поддержала «Платформу». Чудо заключалось в том, что тогда проголосовало в два раза больше молодежи, чем прежде. Но у этого успеха обнаружилась новая грань, когда было объявлено, что явка в группе самых молодых избирателей, в возрасте 18–24 года, оказалась в то время примерно такой же, как в среднем по стране.

— Произошла небывалая мобилизация электората, ибо свою роль сыграл элемент страха перед тем, к чему могла привести победа ПиС на выборах, — говорит Марковский. Однако со временем страх перед ПиС перестал действовать и вряд ли его можно вернуть, особенно если мы говорим о группе молодежи, которая четыре года назад едва достигла 14–18 лет. Социолог Барбара Фатыга, руководитель Центра исследования молодежных проблем Варшавского университета, не видит в подобной позиции ничего удивительного.

— Молодые люди поначалу отворачиваются от тех, кто не реализует их ожиданий, а когда ситуация становится невыносимой, вмешиваются так, как в 2007 году. После чего возвращаются к своим более насущным делам, — поясняет она.

Масштабный отток

Что случилось с молодежным электоратом ГП?

— Как мне кажется, часть избирателей перестала признаваться в том, что будет голосовать за ГП, а часть действительно в ней разочаровалась, — говорит проф. Марковский. Он считает, что отток произошел в течение последних месяцев и что этому способствуют неясности в деле с Открытыми пенсионными фондами, конфликт Бальцеровича с правительством, а также ощущение, что Туск позволил российской стороне сманеврировать в вопросе с отчетом МАК. — Электорат живет за счет взрыва подобных эмоций, — говорит он. — «Гражданская платформа» перестала быть sexu и превратилась в партию стабилизации и уставшего истеблишмента, в партию «сведенного к нулю риска. Нигде в мире молодежь не

выступает в защиту власти и везде бунтует против власти, — добавляет профессор.

А чем они моложе, тем радикальней. Особенно важную инвестицию представляют собой те, кто голосует впервые. С ними дело обстоит так, как с курильщиками, которые как правило покупают те сигареты, которые закурили впервые. Избиратели тоже, как утверждает Ярослав Флис, любят голосовать так, как голосовали прежде. Достаточно инвестировать один раз, чтобы получить поддержку на много лет.

— Есть за что бороться, так как это инвестиция в будущее, — соглашается Павел Понцилиуш из партии «Польша важнее всего». Согласно данным опросов, проведенных партией, молодые избиратели в Польше куда более консервативны, чем на Западе. Достаточно их убедить, что надо идти на выборы, и они пойдут.

Проф. Фатыга добавляет:

— Есть, конечно, и группы убежденных сторонников той или иной партии, но они не слишком многочисленны.

Молодежь в капсуле

Результаты опроса «Молодежь 2008» говорят о том, что молодые люди вообще не вовлекаются практически ни в какую деятельность. Всего восемь человек из ста, принявших участие в опросе, принадлежат к религиозным объединениям, связанным главным образом с католической Церковью. Еще менее популярны организации гражданской службы, как, скажем, Добровольные пожарные дружины или Добровольные общества спасения на водах (3%). Каждый сотый из участников опроса указывает на свою деятельность в харцерстве. Ни один из 1400 респондентов не признался в принадлежности к какой-либо партии или к ее молодежному крылу.

77% опрошенных считают, что политические партии борются главным образом за места, а политики — независимо от того, что они заявляют, — озабочены лишь собственной карьерой (87%) и не собираются ничего делать ради общего блага (76%). Молодежь считает, что рядовые граждане не имеют влияния на правительство (74%) и что партии не выражают их интересов и их взглядов (66%). Это очень суровая оценка.

— Польская политическая сцена сегодня весьма убога, если речь идет о возможности выбора, — говорит Барбара Фатыга. — Для

многих молодых людей выбор между ГП и ПиС дискомфортен, а их политическая активность может быть охарактеризована скорее как ситуационная и интервенционистская, чем как постоянная и болельщицкая.

Общее настроение внутри самой молодежи довольно плохое. Главный кошмар заключается в отсутствии работы. Каждому пятому безработному меньше 25 лет, каждый третий (менее 27 лет) — имеет высшее образование. Молодые люди глубоко убеждены, что для того, чтобы получить работу, нужно иметь знакомства. И именно их стремятся поймать в свои избирательные сети партийные спецы по маркетингу, пытаются убедить, что ПиС или СДЛС сможет решить проблемы молодежи.

Относительно бытующих в молодежной среде взглядов можно сказать, что здесь царит полный хаос: есть там и либералы левацкого толка, правда, за последнее десятилетие явно возросла доля тех, кто считает, что «Церковь должна оказывать влияние на политику и государственные дела». Зато постоянно снижается среди самого молодого, с политической точки зрения, поколения доля тех, кто признаёт свои взгляды левыми (более явно), но вместе с тем наблюдается сокращение группы тех, кто придерживается правых взглядов (медленнее); больше становится тех, кто заявляет о себе как о центристах. Почти 80% девушек и почти 60% юношей вообще не в состоянии определить свои политические взгляды. Тем не менее намечаются тенденции: на протяжении многих лет среди самых молодых растет убеждение, что они бы предпочли платить более низкие налоги и самостоятельно решать вопросы расходов на здравоохранение и образование (то же касается пенсии). Число тех молодых людей, которые намереваются открыть свою собственную фирму, возросло по сравнению с тем, что было 5–10 лет назад. Заметен тренд к большей самостоятельности, они меньше рассчитывают на государство, у них более индивидуалистический подход к жизни.

Итак, в среде политических дебютантов все политические партии могут искать себе поддержку, акцентируя внимание на соответствующих пунктах своих программ.

Партии на охоте

Итак, вот уже более десяти недель идет жаркая борьба за молодежь. ПиС в декабре начал охоту с молодежного конвента «Польша — это ты». В Люблин приехал тогда сам Ярослав Качинский, чтобы сказать молодежи, что правительство Туска ее преследует, вынуждая эмигрировать.

Примерно то же самое услышали участники конференции «Молодежь — это инвестиция в будущее», которая состоялась 19 марта в Сандомеже. На сей раз Качинский приехать не смог, он прислал письмо. И речь опять шла о вытеснении наиболее потенциально значимых в вынужденную эмиграцию, о продуцировании безработных выпускников вузов и об отсутствии программ, призванных исправить положение. Прозвучали также неконкретные обещания о накопительных фондах на студенческое жилье, о стипендиях и аннулируемых кредитах.

— Лидер партии ПиС позиционирует себя как политика непокорного, а для молодежи это может быть привлекательно и более достоверно, чем гладкие речи, которые она слышит от других выступающих по телевидению деятелей, — добавляет Марковский.

Один из организаторов конференции в Сандомеже Мариуш Луцек, представитель молодежного крыла «Права и справедливости», объясняет, что речь идет о том, чтобы дать понять молодым людям, какую ошибку они совершили, когда поддержали «Гражданскую платформу».

— Мы также хотим разоблачить эти сказки, которые рассказывает ГП, о более низких налогах, о выплатах на рождение ребенка, о работе для выпускников вузов и о бесплатной учебе в вузе, — говорит Луцек и добавляет, что сущим мучением для молодых людей становится рост издержек на собственное содержание. — Будучи школьником, я мог купить за 50 грошей напиток или чипсы, а сегодня на 50 грошей ничего не купишь.

Молодежь должна привлекать в лидере партии некая теплота его образа. Поэтому Качинский завел блог в Интернете и даже согласился сфотографироваться с современным гаджетом фирмы «Apple».

Иной тактики для привлечения молодежи на свою сторону придерживается Союз демократических левых сил. Он не пытается вызвать у молодежи отвращение к ГП, но делает ставку на революцию в мировоззрении, с серьезным антиклерикальным акцентом. Поэтому на встречах с политиками СДЛС можно услышать, что они будут бороться за изменение закона об абортах, за половое воспитание и этику в школах, а также за доступность противозачаточных средств и отмену наказания за хранение небольших количеств марихуаны. Паулина Пехна-Венцкевич, руководитель молодежного крыла СДЛС, говорит, что многим молодым

людям надоело то, что творится в Польше, и они хотят свободы мировоззрения. Именно им адресует свои предложения партия.

— Хотя нас то и дело попрекают коммунистическим прошлым, для молодых людей, которые уже далеки от мифов о подпольной борьбе «Солидарности», мы сейчас представляем только часть европейской социал-демократии, — говорит Пехна-Венцкевич.

Мартин Дистерхофт из Объединения «Молодые демократы» утверждает, что молодежь сегодня покупает готовый рекламный продукт в виде политика и не размышляет над тем, насколько этот продукт реален, а насколько выдуман.

— Мои товарищи не различают людей в избирательных списках, поэтому политик, который борется за их голоса, должен быть узнаваем и быть cool, — говорит он.

Более или менее известно, что значит для студентов cool, — это Дональд Туск, Рышард Калиш, Бартош Арлукович, Павел Понцилиуш и даже Адам Хофман. Кто из них соберет наибольшее количество голосов молодых? Дистерхофт считает, что если через полгода молодые люди соберутся пойти на выборы, то они поддержат того, кто наиболее cool, кто не допустит осечки.

Самые молодые избиратели выходят на политический рынок, который находится в состоянии, с их точки зрения, явного падения ставок. Старшие будут выбирать, продолжая свои традиции: живы еще прежние симпатии или антипатии, кого-то необходимо окончательно потопить, кому-то отомстить, демонстрируя свою последовательность во имя спасения Польши. У молодых еще нет той внутренней политической истории, которая могла бы их зажечь или подогреть их желание пойти на выборы. Им бы хотелось сделать свой первый выбор по убеждению, не следуя той логике, когда выбирается наименьшее зло. На выбор же у них — либо не вызывающая никаких эмоций партия власти, либо оппозиция, сплотившаяся вокруг смоленской трагедии и предрекающая упадок государства, либо левые, которые выглядят как будущий истеблишмент, и классовые людовцы из крестьянской партии. Предлагаемое меню не вызывает у них интереса. Так называемое наиболее молодое население больших городов, которое отличается преимущественно явно либеральными взглядами, на сей раз может вовсе не пойти к урнам. А если они не пойдут в первый раз, то такая неявка на выборы может

войти у них в привычку. У политиков остается еще несколько месяцев, чтобы изменить сложившуюся ситуацию.

МОЛОДАЯ КОЖА

— «Здорово, что ты есть», «Ода к радости», теперь «Чат самоубийц». В своих фильмах вы почти постоянно обращаетесь к историям молодых людей. Вас взрослые герои не интересуют?

— Я пытаюсь обмануть время. Снимая фильмы о подростках, которые уже стоят на пороге окончания школы, я словно вновь возвращаюсь к этому прекрасному ощущению зависания, когда ты находишься между детством и взрослостью. Тогда я вижу действительность так отчетливо, словно ее вырезали бритвой. Все кажется самым крупным, самым важным и до боли настоящим.

— Позднее уже не получается столь интенсивно переживать происходящее?

— Человек с возрастом смягчается, учится маневрировать, принаравливаясь к ожиданиям других, скрывать собственные взгляды, быстро менять свои маски. Восемнадцатилетние почти не идут на компромиссы. Они врываются в окружающий мир очертя голову и оказываются перед ним беззащитными, а в них таится нечто свежее, что бывает дано нам лишь один раз в жизни. Я думаю, что именно это завораживало Гомбровича, когда он с восторгом описывал мальчиков. Он их обожал, даже если они были глуповаты, неопытны, примитивны. Ибо он знал, что, если даже он прочтет тысячи книг, юности своей он уже не вернет. А ведь они так чудесно не умели ее ценить.

— Но ведь всё, о чем вы говорите с таким восторгом, имеет и иную свою сторону. Ее вы показали в «Чате самоубийц», создав портрет парня, который пережив чувство разочарования при столкновении с реальностью, перенес свою жизнь в киберпространство. Правда ли, что вас вдохновила статья в журнале «Высокие общасы» («Высокие каблуки») о самоубийстве 21-летней девушки?

— Я прочитал статью, когда у меня уже был готов первый вариант сценария. Репортаж этот меня заставил похолодеть. Всем актерам я купил журнал с этим репортажем, попросив, чтобы они тоже его прочли, а сам решил разыскать мать самоубийцы. Я написал ее фамилию в Гугле, и тут же выскочило название моего фильма. Оказалось, что мы могли

встречаться прежде — Анна занималась музыкальным оформлением фильма «Ода к радости». Я позвонил ей.

— И она согласилась рассказать вам историю самоубийства дочери?

— Да, очень трагическую историю.

Магда жила в удобном доме за городом. У нее были две прекрасных, интеллигентных сестры, отец — оператор Телевизионного информагентства, мать, которая воспитывала детей и вернулась к работе лишь тогда, когда они стали почти взрослыми. Получив аттестат зрелости, Магда отправилась на поиски своего пути. Начинала она с учебы в Главной торговой школе, затем бросила ее ради социологии в Варшавском университете. Занялась общественной деятельностью на благо бездомных детей на Украине. А в возрасте 21 года она покончила жизнь самоубийством. Я не выдержал и спросил ее мать: «Почему?» Она ответила: «Не знаю».

— В фильме парню пытаются помочь его родители. Но у них не очень-то получается.

— В первом варианте сценария они были выведены полными придурками, которые не состояниии заметить буквально вопиющих сигналов, дающих понять, что с их Домиником что-то не так. Но Анна прочитала текст и сказала: «Они — чудовища. Но разве я напоминаю тебе чудовище? Я жила рядом с Магдой всё время — я видела, как на ее руках начали появляться шрамы от порезов, которые она скрывала, притворяясь, что поранилась. Я не сумела ей помочь». Это правда, она сражалась за дочь как львица. Я понял, что иногда несчастья случаются не от глупости, а от бессилия.

— У вашего героя есть всё, о чем только может мечтать подросток, но ощущение такое, что он постоянно как будто ужасно потерян.

— Действительно, этого парня буквально распирает желание бунтовать, только вопрос: против чего ему бунтовать? Шофер возит его из прекрасной школы в полный комфорта дом, он проводит время с кем хочет и как хочет. Парадокс, но он жаждет страдания, чтобы установить контакт с действительностью. Я думаю, что это характерно для всего его поколения.

— Вы говорите о его поколении, но ведь Доминик младше вас всего на каких-то 10–11 лет.

— И этого вполне достаточно. Он родился в свободной Польше, где в магазинах его окружают заполненные до краев полки. Я же рос в то время, когда в доме наступал праздник, если приходила посылка из ФРГ. Я бросался на сладости, а потом старался их не съесть, чтобы они не сразу кончались. Я ходил в валютный магазин «Певекс» и со слезами умолял родителей купить мне леденец чупа-чупс. Я утешал себя мыслью, что наступит время, когда и в моей жизни будут сладости. Теперь оно наступило. Я часто ловлю себя на том, что покупаю в два раза больше, чем необходимо, ибо мне доставляет радость, что всё сегодня доступно. Шоколадку я теперь всегда проглатываю без остатка. А моя десятилетняя дочь стоит в магазине перед витриной, полной сладостей, и ей ничего не хочется. Она может иметь всё, поэтому это «всё» ее не впечатляет.

— По-вашему, сегодняшних молодых людей парализуют пресыщение и скука?

— Чудовищным случаем стала бойня в колледже «Колумбайн». Когда у одной из девочек в классе того парня, который притащил в школу оружие, спросили, почему он это сделал, она ответила: «Наверно, просто ему не хватало впечатлений». К Польше эта скука еще только подбирается. Я уже видел ее в гимназиях и лицеях. Обычно, когда я говорю, что учился в киношколе, то люди пристают с расспросами о том, что мне интересно, что я думаю о кино или об известных кинематографистах, которых я встречал. Поэтому во время документальных съемок я стараюсь не очень-то афишироваться. Но когда мы с моим оператором оказались как-то в одной пользующейся престижем варшавской школе на балу, который проводится за сто дней до окончания школы, то здесь вообще не возникло никаких проблем. Люди пожимали плечами и отправлялись за очередной кружкой пива. Мы тогда поняли, что этих ребят мало чем можно пронять. Их уже волна скуки накрыла с головой.

— А сам этот бал чем-нибудь напоминал ваш собственный?

— Вы шутите? Он проходил в арендованном клубе «go-go». Шесты для танца в течение минуты заняли школьницы. Те самые девушки, которые только что в безупречных платьях шли стройными рядами по паркету под звуки полонеза, вдруг за закрытыми дверями как будто съехали с катушек. Как английская молодежь — взять хотя бы принца Гарри: во время официальных церемоний он выглядит словно жемчужина в британской короне, а буквально через пару часов друзья-приятели выносят его в бессознательном состоянии, в нацистской форме и вскидывающим руку в пьяном виде.

— Молодежь, как когда-то поколение «яппи», работает всю неделю на полную катушку, чтобы потом, в выходные, на полную же катушку развлекаться?

— Что-то в этом роде. Они прагматичны, хорошо понимают, что такое капитализм, общество воспринимают как хорошо функционирующую фирму. Выполняют свою работу и ожидают, что и другие будут выполнять свою, как шестеренки в механизме. Я, например, не могу сделать замечание официанту, что он принес мне остывший кофе, а моя младшая сестра заявляет: «Не для того я всю неделю вкалываю, чтобы в пятницу мне кто-то подавал плохо приготовленный коктейль». И здесь нет лишних сантиментов. С ними покончено.

— Что сегодня важно для восемнадцатилетних?

— Главное для них — внешний вид. Именно это определяет иерархию и позицию в группе. Это можно заметить даже возле клубов — подростки внимательно следят, кто есть в списке и кто кого знает. Как-то стою я рядом с «Каменоломней» (модный у богатой молодежи клуб), а вокруг скапливается множество красивых подростков со старательно зачесанными челками, все они в очках с нулевыми диоптриями и в пятнистых под леопарда брюках. Стоят, курят, звонят знакомым, находящимся внутри клуба, чтобы их пустили. Одна девушка знает охранника, пропускающего на входе, поэтому другая просит ее помочь пройти через турникет. Однако слышит в ответ: «А не пошла бы ты отсюда?»

Я не представляю себе подобного среди моих ровесников. Но самое смешное, что все эти мероприятия, из-за которых весь сыр-бор, весьма примитивны. Очередь за пивом, кто-то топает ногой в ритме музыки «г'п'б», другой старается изобразить хип-хоп. Можно с помощью мобильного заснять их и сбросить фотку через него же на Фейсбук и ожидать комментария: «Вау, жаль, что меня там нет». Интернет стал прекрасным инструментом для саморекламы.

— В своем фильме «Чат самоубийц» вы показываете, как интернет функционирует среди его аборигенов. Однако ваш фильм вполне может быть воспринят как консервативное наступление на техническое средство информации, которое совершенно изменило мир.

— Но ведь и я живу в этом мире — я присутствую на Фейсбуке, ежедневно пользуюсь электронной почтой. Интернет не генерирует зло. Виноваты всегда люди. Мы принимаем

решение, мы выкладываем линейки и сообщения. Сеть лишь усиливает наше послание, делает его более слышимым. А то, что она иногда здорово затягивает? Я этого не придумывал специально для фильма. Недавно в Ирландии двое людей встретились в «Second Life» и поженились. Когда девушка забеременела, у ее аватара вырос живот, а потом состоялись роды в виртуальной больнице. Но только настоящего своего сына они уморили голодом, постоянно его недокармливая. Похоронная церемония тоже появилась в «Second Life». А ведь эта игра вовсе не так банальна, как обычный чат, в котором сморкачи пишут семнадцатилетним девчонкам: «Эй, челы, есть кто-нибудь из Красника?». Здесь нужен высокий интеллектуальный потенциал, способности к абстрактному мышлению. Если нечто подобное случается, то тогда можно сказать, что что-то изменилось в людях и в мире. Та реальность, в которой выросло поколение родившихся в 90-е, требует своего описания.

— Вы считаете, что в Польше снимается мало фильмов о молодежи?

— Их довольно много. Достаточно посмотреть на актеров, карьера которых идет в гору: Матеуш Костюкевич, Антоний Павлицкий, Рафал Фудалей. Но мне кажется, что мы напрасно застряли в колее повествований, в которых всё подчинено экономике. Мне не хватает на экране внимания к культурам, которые формируются самими людьми.

— Вы входили с камерой в замкнутые миры молодежных субкультур. Например, документировали движение хип-хопа.

— Этот мир подкупает меня своей простотой. В нем есть мужчина и женщина — она должна танцевать, а он — на нее смотреть. И всё идет как надо — жесткое распределение ролей, никто не жалуется, а в случае чего вопросы чести выясняются с помощью мордобоя возле дома. Более того, кодекс хип-хопа как нельзя лучше отвечает заповедям капитализма. Велит смело требовать и брать свое, и быть жестким.

— Вы говорите, как парень из хорошей семьи, который истосковался по благородному варвару.

— Неправда. Поначалу хип-хоп в Польше как бы присвоили себе подростки из зажиточных семей, в начале 90-х привозивших кассеты с Маком Хаммером. В моем лицее им. Сервантеса местной звездой стал сын режиссера — Кордиан Пивоварский. У него была такая прибаутка: «Капюшон на голове — и гораздо легче мне, и всё о'кей, меньше вижу мира, эй». Я этот стиль

подсмотрел и перенял. Тогда еще не было речи о скамейках и блочных домах.

— Вы не почувствовали себя чужим, когда эта культура постепенно перекочевала в микрорайоны крупнопанельных домов?

— Нет, ведь это тоже мой мир. Я родом из художественной семьи, но вырос в варшавском районе Прага, когда он еще не стал модным среди интеллигенции с западного берега Вислы. Мне очень симпатичны Шмульки, улица Кавенчинская, Восточный вокзал. Несмотря на то что на пути моего возвращения из школы меня почти ежедневно грабили. Бывало и так, что за один день одна и та же компания нападала на меня дважды. Первый раз, обчистив меня у трамвайного депо, они удирали в сторону вокзала. Я сел в трамвай, а когда выходил из него, то мы вновь сталкивались. Бывало и так, что они меня слегка колотили. Со временем я научился, что? надо говорить в таких случаях — что «я здешний и знаю Зобека и Щрубека». Обычно это помогало.

— Стоит ли об этом рассказывать в фильме? Может быть, достаточно рассказать в милиции?

— Я всегда любил соединять высокую культуру с культурой низов — спектакль «Ромео и Джульетта», поставленный в микрорайоне, или акция Павла Альтамера в районе Брудно. Мне понравилась фотография двери на лестничной площадке, где была нарисована голая баба, которую художник назвал «Венера из Брудно». Я, получивший художественное воспитание, много раз оказывался среди людей, по-иному воспринимавших реальность. Но именно они обладали множеством прекрасных черт, именно в них скрывалась правда и дворовое благородство. Культура не может пройти мимо этого.

Возможно, именно поэтому я так хорошо чувствовал себя в Лодзинской киношколе. Дорота Кендзежавская или Казимеж Карабаш заражали нас бациллой социального кинематографа. А я хотел запечатлеть камерой обиженных, бедных, тех, кому приходится трудно.

— Но сейчас вы готовите исторический проект о Варшавском восстании. И, возвращаясь в прошлые времена, вы все-таки ведете свой рассказ о молодежи.

— Мы живем в постоянном страхе, я хочу, чтобы он был виден на экране. Поэтому меня интересует Апокалипсис — время катаклизма, неожиданного нашествия зла. Причем с точки

зрения того парня, для которого только начинается зрелость. «Город» становится для меня фильмом, где речь идет о своей принадлежности, о поиске своего места в сложное время и в обстоятельствах чрезвычайных. Куба Гершал, актер, игравший в фильме «Чат самоубийц», рассказывал мне, как однажды он отправился с дедом на встречу ветеранов. Многие друзья его деда погибли во время трагического перехода через Кампиносскую пущу. Вдруг из-под очков у него потекли слезы. Он сказал им, что слишком долго смотрел на солнце. Эти люди уважительно относятся к тому, что человек плачет, но считают это крайностью. В повседневности они продолжают оставаться внутренне стойкими. И своих неудач напоказ не выставляют.

Сегодня о войне рассказывают как о сенсации и выпячивают какие-то чудовищные вещи. Но в те времена еще существовала этика. От бывших повстанцев вы не услышите, как они оправлялись в одной комнате рядом друг с другом или как кто-то из отряда предал. Это были люди, которые не раскалывались. Невероятно мужественные.

— Вы не боитесь, что когда-нибудь перестанете понимать молодых людей?

— Я ими очарован. Но они реагируют на действительность с точностью до секунды. Собирая документальные материалы к фильму «Чат самоубийц», я через месяц возвращался в какой-то лицей и уже не понимал, о чем подростки говорят, ибо прозевал новую запись на «ютюбе». А с другой стороны, кто может лучше описать мир подростков, чем 58-летний Гас Ван Сент?

— У вас уже двое детей. Вы не перешли на другую сторону?

— Естественно, перешел. Мне было 20 лет, когда родился мой первый ребенок. А буквально за несколько лет до этого я попал к окулисту, так как закрасил себе маркером глазные линзы, потому что хотел, чтобы у меня были глаза, как у парня из «Prodigy». Ну и что? Буквально мгновение пролетело, и мне тридцать, уже треть жизни я прожил отцом, и я всячески упражняюсь, чтобы моя дочь не увидела меня с бутылкой пива. Я стал ответственным и вполне зрелым. И только иногда во время съемки я ловлю себя на том, что прошу оператора чуть дольше задержать камеру на теле актера-подростка. Ибо я знаю, что такой молодой кожи у меня самого уже не будет никогда.

Беседовал Кшиштоф Квятковский

РЕШЕНИЕ СЛОЖНОЙ ЗАДАЧИ

Книга носит знаменательное заглавие: «Белые пятна — черные пятна». Таким образом, она касается мало либо вообще не изученных вопросов и одновременно говорит о событиях, зачастую связанных с насилием, произволом и беззаконием. В целом можно сказать, что редакторы и авторы этого труда поставили перед собой нелегкую задачу — показать отношения Польши с СССР и Россией в 1918–2008 гг. во всей их протяженности и сложности

Научные редакторы обсуждаемой книги, профессора Адам Ротфельд и Анатолий Торкунов, сопредседатели польско-российской группы по трудным вопросам, подчеркивают, что возник труд, главная задача которого — отыскивать истину и приводить ее свидетельства. Одновременно там формулируются оценки, которые даются нелегко, так как они отклоняются от сложившихся представлений и стереотипов.

Редакторы в качестве самого удобного и самого эффективного способа представить запутанные и многослойные сюжеты истории выбрали параллельную публикацию текстов польских и российских авторов в рамках отдельных глав, расположенных в соответствии с хронологией и возникающими проблемами. Авторы пишут то, что им подсказывает состояние их знаний и что они считают правильным. Часто польский и российский тексты в принципе согласуются между собой, иногда наблюдаются различия, а временами — явные разногласия. В результате всего этого можно установить, какова позиция польской стороны, а какова — российской. Никто никому не навязывает своих взглядов и способов их изложения. И это тоже большое достоинство книги — свобода высказывания. Приговор о правоте той или иной стороны будут выносить сами читатели, убежденные силой приведенных фактов и аргументов.

Переходя к изложению существа отдельных сюжетных линий этой книги, я начну с самого раннего периода — с войны 1920 г. (глава I). Наибольшие разногласия возбуждал здесь вопрос о советских военнопленных. В России раздавались обвинения, что многие из них были убиты польскими властями. В некоторых российских публикациях указывается даже такое огромное количество, как сто тысяч якобы уничтоженных пленных.

Авторы польского текста Дарья и Томаш Наленч, опираясь на конкретные данные, пишут, что вследствие свирепствовавших заразных болезней умерло около 17 тысяч советских военнопленных. Так произошло, невзирая на попытки противодействия врачей и лагерной администрации.

Российский автор Геннадий Матвеев приводит более высокое число умерших пленных — около 25–28 тысяч. В качестве главной причины смертей он также указывает эпидемию. И не повторяет утверждений об «убийстве пленных». Тем самым его позиция, хотя и стоящая особняком, не входит в противоречие с тем, что написали супруги Наленч.

В следующей главе Войцех Матерский ведет речь о польско-советских отношениях на рубеже 20-х и 30-х гг. XX века. Текст плотный, синтезирующий, автор пишет с большим знанием предмета. В центре его внимания — события, происходившие в треугольнике Польша—СССР—Германия.

Пишущий параллельно Александр Ревякин подчеркивает, что в СССР в тот период очень интересовались Польшей. И в этом он прав. Однако сам автор не слишком глубоко ознакомился с польскими реалиями, если мог написать о поездке Юзефа Пилсудского в Японию в 1932 году. Такая поездка действительно состоялась, но... в 1904 г., во время русско-японской войны. Неточности встречаются в его тексте еще несколько раз. К примеру, после встречи 15 ноября 1933 г. польского посла в Германии Юзефа Липского с Гитлером было оглашено коммюнике, которое автор характеризует как декларацию. В действительности подписание польско-германской декларации о неприменении насилия состоялось лишь 26 января 1934 года. Автор приводит многочисленные обвинения по адресу Польши, которые формулировались и высказывались советской стороной. Зато он не принимает во внимание мирных заверений поляков, оказавшихся, как показало последующее развитие событий, правдивыми и достоверными.

Следующую, III главу написали Славомир Дембский и Михаил Наринский. Тема важная, ибо тут представлен генезис Второй мировой войны. Дембский стремится доказать, что Польша была заграждением, буфером между Германией и СССР. Она заботилась о сохранении своей независимости и «равноудаленности» от главных соседей.

Наринский же настроен по отношению к польскому правительству весьма критически. Он множит адресованные ему упреки с обвинениями за совершённые и несовершённые

прегрешения. Очень широко описывается им поведение Польши в отношении Чехословакии, хотя в польской историографии его уже многократно характеризовали критическим образом. Пишет об этом и Дембский.

Наринский собирает любые отрицательные сведения о польской политике, всё время подчеркивая сотрудничество Польши с Германией. Пишет он и о других негативных польских шагах, хотя не всегда в соответствии с истиной. Например, он подчеркивает, что польское правительство в своем ультиматуме Литве от 17 марта 1938 г. потребовало изъять из конституции Литвы ту статью, где говорится, что ее столица — Вильнюс. А на самом деле требование там было только одно — об установлении дипломатических отношений между Литвой и Польшей.

Однако Наринский — настолько честный исследователь, что, когда он находит источник, содержащий недвусмысленные утверждения, которые, возможно, и не отвечают его точке зрения, но убедительны, он принимает их в полном и точном виде. Это касается постановления, принятого у президента Польши в Королевском замке 8 января 1939 г. о решительном сопротивлении Третьему Рейху перед лицом его настоятельных требований.

Глава IV говорит о коротком, но очень важном периоде 1939–1941 гг. Свой текст Альбин Гловацкий метко назвал «Вторжение Красной Армии». Он точно и подробно представил в нем агрессию 17 сентября, а затем обрисовал ее последствия, особенно роковые для польского населения, жившего на занятой территории. Автор скрупулезно собрал и сопоставил факты. Однако же складывается впечатление, что сделал он это чересчур подробно.

Параллельная статья принадлежит известному российскому ученому Наталье Лебедевой.

Это текст, весьма зрелый содержательно и недвусмысленный в своем звучании. Автор говорит, что агрессия 17 сентября была регулярной войной, которая велась так, как поступают с вражеской страной. Она подчеркивает, что дело дошло до случаев настоящего взаимодействия Вермахта с Красной Армией в борьбе с польскими подразделениями. Много написано ею и о начинаниях советских властей на занятых территориях. Свою оценку она подытожила следующими словами: «Главными методами господства стали террор и массовые депортации».

Существенные положения сформулированы в главе V, которая посвящена катынскому преступлению. Анджей Пшевозник [трагически погибший в смоленской катастрофе] дает в ней описание преступления. Ценно здесь изложение того, что автор увидел сам, работая как устроитель кладбищ польских офицеров. Уникально его описание истории обнаружения и вскрытия могил, а затем — постепенного, идущего с большими трудностями получения доступа ко всё большему числу документов и, наконец, рассказ о самом процессе сооружения кладбищ.

Дополнительной к этому тексту оказывается вторая в сборнике статья Натальи Лебедевой, которой в немалой степени принадлежит заслуга открытия документов, касающихся катынского преступления. Но текст основан на собственных исследованиях, проводившихся много лет. Автор показывает, каким образом вызревало решение совершить массовое убийство польских военнопленных, как шли приготовления к нему, а затем — как оно было выполнено. Берет за душу описание «бумажной дороги к смерти» — скрупулезного приготовления документации, ведущей к расстрелу.

Оба текста Лебедевой занимают в книге особое место. Они служат примером того, как далеко способны пойти российские авторы в поисках истины. Достойны быть процитированными слова автора, которая заканчивает свою статью следующей фразой: «Почувствовать боль других как свою собственную, чтобы не допустить повторения подобных трагедий в будущем, — единственный способ построить мост через катынскую пропасть».

Тексты главы VI относятся к годам Второй мировой войны. Из огромного количества фактов того времени Войцех Матерский сумел выловить самые важные и на их основании выстроить убедительный текст, который дает синтез существа дела. Убедительны в особенности те фрагменты, где автор описывает, каким способом СССР сумел навязать Польше формы своего верховенства.

Текст Валентины Парсадановой содержит много описаний различных событий и фактов, которые можно принять к сведению. Однако оценки автора вызывают протест. Вот несколько примеров. Автор выражает взгляд, что вывод созданной в СССР польской армии был величайшей ошибкой польского правительства в период Второй мировой войны. С этим трудно согласиться. Уже само спасение ста с лишним тысяч польских военных и гражданских лиц из советских тюрем и лагерей было большим достижением. Нельзя также

принять утверждения автора, что помощь Красной Армии восставшей Варшаве не была возможна в сколько-нибудь широких масштабах. На самом деле она лежала в границах военных возможностей. Зато не хватило политической воли.

В следующей, VII главе речь идет о послевоенном десятилетии, о 1945–1955 гг. Это период, пока еще мало изученный и охватывающий самые трудные для Польши годы сталинизма. Обсуждают и оценивают указанные годы два автора — Влодзимеж Бородзей и Альбина Носкова.

Бородзей пишет об утрате Польшей всякой самостоятельности, фактически о прямом исчезновении польской внешней политики. Автор подчеркивает участие советских войск в подавлении польского движения сопротивления. Из статьи можно узнать о формах и проявлениях зависимости от Москвы, даже о случаях личного вмешательства Сталина в польские дела.

Альбина Носкова пишет, что в 1945 г. наступила победа, так как польский народ был спасен от грозившего ему полного уничтожения. То, что Польша попала в зависимость от СССР, произошло с позволения западных союзников.

«Финляндизация» Польши не имела никаких шансов: Польша была для СССР слишком важна. Но несмотря на нажим и усилия Москвы общественная модель Польши по-прежнему отличалась от советской. В целом статья достойна внимания, в ней встречаются нешаблонные утверждения, но вместе с тем бросается в глаза односторонность оценок. Автор описывает также механизм и итоги произведенных в Польше перемен с указанием движущей, созидательной роли СССР.

В отдельной VIII главе речь идет о переломном в истории ПНР периоде октября 1956 года. Анджей Пачковский с большим знанием дела представил события, которые привели к кризису власти и к конфронтации с СССР. Автор, однако, не соглашается с мнением, что тогда был создан «факт, имевший неотвратимые последствия». Высказывая собственное мнение, хочу отметить, что в польско-советских отношениях такой факт возник, потому что советская сторона была вынуждена уступить в нескольких важных вопросах. И это создало исторический прецедент.

Николай Бухарин связал события «польского октября» с советской «оттепелью». Сравнивая эти явления, он выражает мнение, что польские перемены шли глубже. В СССР, в отличие от Польши, массы не пришли в движение, не всколыхнулись. Среди завоеваний «польского октября» Бухарин указывает два

важных вопроса: был подписан договор о временном размещении советских войск в Польше, а также о проведении репатриации 200 тыс. поляков из СССР в Польшу.

Глава IX повествует о польском пути к свободе. Ежи Помяновский в хорошо написанном эссе формулирует довольно много небанальных утверждений. Он пишет, что поляки «были спасены, но не освобождены», напоминая тем самым элементарную истину. Он выражает также взгляд, что невозможно признать историю ПНР «черной дырой» в истории Польши. Однако главная тема, которой занимается Помяновский, — проблемы культуры. Он отмечает при этом, что отношения Польши с Россией и поляков с русскими — две разные вещи. В годы ПНР были живы культурные контакты, а через Польшу многим советским гражданам открывалось если не окно, то хоть какая-то форточка на Запад. Кроме того, Помяновский формулирует ряд требований о необходимости укрепления связей между польской и российской интеллигенцией, о потребности в институциональных решениях, которые позволили бы «устранить окаменелости», стоящие на дороге.

Российские авторы этой главы, Андрей Воробьев и Александр Шубин, говоря о путях к освобождению, констатируют, что при описании российско-польских отношений широко распространено невежество, бросается в глаза низкое качество и поверхностность публицистики. Авторы стараются напомнить о связях и взаимных влияниях, присущих прошедшим годам, а также указывают на пример «польской модели» для российской оппозиции.

В главе X обсуждается тема «Военное положение и советское руководство». В статье Анджея Пачковского можно найти много красноречивых, выразительных примеров, которые говорят, что СССР оказывал на Польшу очень сильный нажим. Его проявления начались уже с августа 80-го. За этим последовали, особенно на рубеже 1980–1981 гг., угрозы применить силу. Огромную роль, пишет автор, играли при этом руководители соседних стран: Хонеккер и Гусак. На протяжении почти всего 1981 г. продолжалось перетягивание каната, устраивались военные маневры, шло запугивание, выдвигались требования о ликвидации «Солидарности». У Кремля отсутствовала идея, как это осуществить. Выход был увиден в объявлении генералом Ярузельским военного положения.

Инесса Яжборовская подготовила на эту тему очень выразительный и яркий текст, основанный на широких

разысканиях в источниках. Она пишет, что в Кремле придавалось большое значение тому, какой вес Польша имеет для СССР. Всеобщим призывом стал лозунг, что «нельзя потерять Польшу». Брежнев не исключал применения силового варианта, однако медлил с окончательным решением. Зато в Кремле тщательно наблюдали и регулярно обсуждали всё, что происходит в Польше. Однако в конечном итоге более удобным способом действий было сочтено введение военного положения самими поляками. Автор подчеркивает, что Ярузельскому Польша обязана отказом от намерения использовать войска Варшавского пакта для силового решения конфликта.

В главе XI говорится о том, каким образом Польша вновь обрела свободу. Влодзимеж Марциняк обрисовал ход трансформации в Польше и России, в том числе — наблюдавшиеся сходства и различия. Любопытны его замечания о перехвате реальной власти Горбачевым, а также о том, что в России не возникли настоящие партии, зато сложилась моноцентрическая система политической власти. В то же время Польша, по мнению автора, в результате общественных и политических реформ оказалась в ситуации, где «границы национального государства размываются процессами глобализации».

Российские авторы Владимир Барановский и Борис Шмелев придерживаются той точки зрения, что горбачевская перестройка привела к выстраиванию новых взаимоотношений с социалистическими странами. Но из руководителей этих государств только Ярузельский и Кадар поддерживали перемены Горбачева. Широко распространилось убеждение, что реальный социализм исчерпал свои возможности. В этот момент появился шанс придать советско-польским отношениям позитивный импульс. Горбачев и Ярузельский предприняли усилия, чтобы воспользоваться этим. Ситуация, однако, претерпевала быстрые изменения, а Польша играла в них роль детонатора.

Авторы XII главы задались вопросом, что главенствовало в экономических и хозяйственных отношениях Польши и СССР, — помощь или эксплуатация. Януш Калинский подчеркивает, что эксплуатация Польши, особенно в начальный период, преобладала над помощью ей. Огромными были военные поставки для Красной Армии. До 2 млрд. долларов составили потери, возникшие вследствие вывоза промышленного имущества из Польши, а поставки польского угля в СССР по сильно заниженным ценам принесли убытки в размере 630 млн. долларов. Такие нагрузки обрушились на страну,

разоренную войной и оккупацией. Да и в последующие годы экономические отношения между ПНР и СССР были невыгодными для польской стороны, несмотря на достижение определенного равновесия после 1956 года.

Леонид Вардомский также считает, что результаты экономического сотрудничества Польши и СССР неоднозначны. Но вместе с тем он подчеркивает, что неспособен вообразить Гомулку и Герека в качестве безвольных марионеток Москвы. Они, по мнению Вардомского, действовали прежде всего в польских интересах — так, «как они сами их понимали в то время». Далее автор констатирует, что в Польше в 80-е — 90-е годы происходили более быстрые и решительные экономические преобразования, чем в СССР, который рухнул по причине неэффективного хозяйствования и консерватизма.

В главе XIII рассмотрены отношения новой России и уже суверенной Польши. О них пишет Катажина Пелчинская-Наленч, которая представляет взаимоотношения между двумя странами после 1989 г. главным образом с фактографической стороны. Делает она это ясно и упорядоченно, перечисляя наиболее важные вопросы, обсуждая возникающие конфликты и столкновения. Изложение, проработка материала подробны и точны — в меру возможностей доступа к источникам. А он ограничен, так как обсуждаемые проблемы находятся *in statu nascendi*. Автор заканчивает выводом, что проявляющиеся конфликты — не результат генетической русофобии поляков или национальных предубеждений в России. Споры вытекают из геостратегических соображений. Самое важное в том, что процессы эмансипации Польши и ее интеграции с европейским сообществом уже можно считать завершенными.

Артем Мальгин не скрывает трудностей и противоречий, существующих в нынешних отношениях России и Польши. Он считает, что «историческая политика» оживила в Польше все негативные стереотипы по поводу России. А в глазах многих россиян Польша теперь — *terra incognita*. Автор считает, что такое положение надо изменить. Российской стороне в отношениях с Польшей нужно учитывать европейский контекст и замечать ту роль, которую Польша играет в Евросоюзе. Благодаря хорошим контактам с Польшей и Россия тоже сможет решить многие задачи, стоящие перед ее европейской политикой.

В главе XIV нашли себе место рассуждения на тему непрерывности происходящих изменений. Анджей Граевский обращает внимание, что в России, в отличие от Польши, не

проделаны расчеты с прошлым. Поэтому здесь сотрудничество возможно лишь в узкой сфере.

А Николай Бухарин в той же главе занялся проблемой взаимного восприятия россиян и поляков. Он выражает мнение, что процесс формирования нового сознания в России еще не доведен до конца. Существующая неопределенность негативно воздействует на отношение к Польше. Проводимая здесь историческая политика используется для достижения текущих политических целей. Автор высказывает мнение, что не следует преобразовывать особые черты и свойства национальной памяти в повод к вражде, тем более что в действительном ходе и развитии отношений с Польшей российские граждане ориентируются слабо, большинство из них не в состоянии охарактеризовать основные события. В условиях незнания ширятся предубеждения. Автор считает, что трудно рассчитывать на радикальное улучшение ситуации. Каждая из сторон имеет, однако, право на собственное мнение о прошлом. Это не должно служить препятствием в развитии добрососедских отношений между Россией и Польшей.

О том, каким образом польско-российские отношения влияют на возможности пользования архивным наследием, говорится в главе XV. Владислав Стемпняк помещает в своей статье много ценных сведений об архивных собраниях, связанных с польско-российскими отношениями. Это важно, особенно в условиях перемещения собраний. Он также пишет о польских материалах в российских архивах.

Схожими вопросами занимается и Владимир Козлов. Он напоминает, что поляки в последние годы уже скопировали в российских архивах большое количество документов. Далее он требует окончательно «разморозить» архивные контакты между Россией и Польшей и выражает надежду, что это произойдет.

В конце книги, *last but not least*, располагается важная глава XVI, содержащая обзор литературы. Первое впечатление, которое можно вынести после ее прочтения, — это огромное количество представленных там книг, статей и изданий документов. Марек Комат, рассматривающий тему с польской стороны, не только устанавливает и перечисляет названия, но и проводит их классификацию, а также дает им содержательные оценки. Он констатирует, что многие позиции не отвечают научным критериям, так как в свое время были подчинены «политическим интересам ПНР». По его мнению, слабость другого рода, причем касающейся и изданий, вышедших уже после 1989 г., — малое использование

российских источников. Нужно подчеркнуть очень тщательную проработку темы, а также целостный подход к проблемам, обсуждаемым автором.

С равной тщательностью и вдумчивостью подошла к теме Инесса Яжборовская. Она выполнила не только описание историографии, но и подробно представила историю усилий российских и польских историков, имевших целью показать и распутать многие трудные вопросы. При этом она подчеркнула, что, если говорить о российской стороне, то большим препятствием продолжает оставаться груз старых понятий и стереотипов. Их преодоление совершается медленно, шаг за шагом, однако многие представления, восходящие к минувшей эпохе, по-прежнему функционируют. И здесь автор осуществляет очень любопытную экзemplификацию подобного состояния дел, показывая, какие утверждения и оценки высказывают отдельные российские авторы вплоть до сегодняшнего дня. Яжборовская пишет с большой твердостью, можно даже сказать, решимостью: «Результатом распространения такого подхода является разжигание ранее существовавших фобий, возрождение отвратительных стереотипов пропаганды родом из довоенных десятилетий и — естественно — очередная конфронтация с соседом». Эти слова не требуют комментария.

*

Таков этот труд о белых и черных пятнах, который в силу понятных обстоятельств показан здесь отрывочно и крайне сжато. Но представляется, что даже на основании того, о чем рассказано выше, можно выработать для себя мнение о ценности и большом значении рецензируемой книги. Значении не только познавательном и строго научном, но и политическом. В ней представлены важные и по-прежнему актуальные проблемы, а также показаны пути их преодоления. Книга представляет собой свидетельство, которое не пройдет без отзвука.

Научным редакторам обсуждаемой книги — Адаму Ротфельду и Анатолию Торкунову — нужно пожелать осуществления их дальнейших замыслов, а также новых достижений на трудном пути, ведущем к взаимопониманию наших народов, к преодолению накопившихся за долгие годы травм и предрассудков. Поиски и раскрытие правды будут залогом успеха.

Белые пятна — черные пятна: Сложные проблемы в российско-польских отношениях. Под общ. ред. А.В.Торкунова,

А.Д.Ротфельда. М.: Аспект Пресс, 2010. — Параллельное издание на польском языке выпущено в Варшаве.

КЕРСКИЙ — ПОЛЯК ПО ВЫБОРУ, НО ЧУЖОЙ

Базиль Керский — 42-летний, слегка лысеющий брюнет с мягкими манерами. Он стал директором Европейского центра солидарности 2 марта. Никто даже не спорил, что в финальной группе есть кандидат лучше. Заранее, однако, было понятно, что утверждение этого выбора президентом (мэром) Гданьска Павлом Адамовичем потребует немалой решительности. Или отсутствия воображения. Керский живет с женой и двумя сыновьями в Берлине, и гражданство у него не польское, а немецкое. Легкая цель для нападок «Права и справедливости» — тем более что ходят слухи о его дружбе с Дональдом Туском.

Для части деятелей первой «Солидарности» Керский — инородное тело. Они считают Европейский центр солидарности, пусть построенный и организованный на общественные деньги, своим собственным. Да еще и раздоры в этой среде. Трудно себе представить, кого приняли бы все главные герои августа 80-го. В частных беседах можно услышать: «Керский? Ну, хорошо, а что у него общего со свершениями “Солидарности”?»

Сколько Польши в Гданьске?

Имя Керского неофициально прозвучало осенью прошлого года, как только директор центра о. Мацей Земба подал заявление об отставке. О желании руководить центром сразу заявил Богдан Лис, деятель демократической оппозиции ПНР, а сегодня независимый депутат. Он написал на карточке фамилию Керского, запечатал в конверт и передал на хранение юристу, заявив: «Посмотрим, не окажется ли конкурс фикцией».

Лис участия в конкурсе не принял: он не отвечал главным требованиям, среди которых были высшее образование, свободное владение английским и пятилетний опыт руководящей работы.

Президент Адамович:

— Не думаю, что условия конкурса были специально ужесточены. Эмоции вызывали два требования: высшее образование и владение (свободное, в устной и письменной

форме) хотя бы одним иностранным языком. Я не представляю себе директора культурного учреждения, за плечами которого лишь средняя школа. Точно так же не представляю себе директора Европейского центра, который не знает хотя бы одного иностранного языка. Ну, это как с депутатами Европарламента: в Брюсселе есть переводчики, но часть вопросов решается в ходе частных, кулуарных разговоров. Это стандарт, и мы здесь должны равняться на лучшее. Меня упрекали, что эти условия автоматически отменяют многих «исторических вождей “Солидарности”». Можно быть большим героем, но это не профессия. Не специальность для управления крупным европейским учреждением. За героизм можно получить орден, а не должность.

А кандидатов в директора Европейского центра солидарности объявилось шесть. Конкурсная комиссия из десяти человек рекомендовала именно Керского. Президент Гданьска Адамович («Гражданская платформа»), которому принадлежало решающее слово, рекомендацию принял. И началось.

Первым отреагировал Лех Валенса. Отказался от сотрудничества с ЕЦС, ибо, как подчеркнул, нового шефа он не знает, а конкурс был управляемым. Депутаты Поморского сеймика от «Права и справедливости» сделали следующий шаг, заявив, что «господин Керский, руководя польским культурным институтом, которым должен стать ЕЦС, будет ориентироваться не на польское, а на немецкое понимание государства, к чему его обязывает лояльность германскому государству и как гражданина, и как бенефицианта дотаций германского МИДа». И потребовали отмены результатов конкурса.

Выдвигались также упреки в дружбе с Туском, которому Керский якобы обязан назначением. Кроме того, сомнения выразили некоторые деятели «Солидарности».

Политики ПиС утверждают, что назначение Керского — это свидетельство приватизации ЕЦС «Гражданской платформой». Они добиваются, чтобы дело о «предрешенном» конкурсе было расследовано, лучше всего — в прокуратуре. С ними согласен Ярослав Качинский. А испытанный эксперт ПиС по международным делам Анна Фотыга публично задает фундаментальный вопрос: «Сколько Польши в Гданьске?» Известная по медийной войне с Эрикой Штейнбах сенатор от ПиС Дорота Арцишевская-Милевчик поднимает важную тему: если Керский выслал заявление о своем участии в конкурсе в последний момент, то должен ли вообще рассматриваться

такой кандидат, тем более что дата подтверждена штемпелем немецкой, а не польской почты?

Затем сказала свое слово Всепольская комиссия профсоюза «Солидарность»: не нарушил ли Адамович, не всегда мастер дипломатии, устава ЕЦС? Ведь в документе записано, что директора назначает и отзывает президент Гданьска по согласованию с остальными учредителями (в частности с профсоюзом или министром культуры). Поэтому, по мнению Всепольской комиссии, итоги конкурса должны предварительно быть обсуждены со всеми сторонами, а не сразу утверждаться Адамовичем. Поговаривают даже об уходе профсоюза из ЕЦС.

Иракский кошмар

Керский старается сохранять спокойствие и оптимизм: «Не жалею, я упрямый. Хотя реакция многих людей меня задела. Возможно, если б меня все хвалили, это пробудило бы во мне неуверенность. Ситуация трудная, но мне знакомая. Я всегда был человеком “не отсюда”».

Он родился в ноябре 1969 г. в Гданьске. Родители жили на гданьском взморье. Отец — из иракской атеистической семьи, мать — из польской католической. В соответствии с иракской традицией, фамилия ребенка — это имена отца и деда. Так что Базиль должен был зваться Сабах Камиль. Но чиновники ПНР переписывают из документов отца «Камиль Кири», считая это фамилией всей семьи. Затем в эмиграции в Германии родители сами уговорили сына сменить фамилию, опасаясь ксенофобии.

Сабах, отец Базиля, родом из Багдада, приехал в Польшу в 1960 х. Он хотел учиться, а в Ираке из-за деятельности отца и дяди в профсоюзах смог получить только среднее образование. Выбрал Гданьск и медицину. В институте познакомился с матерью Базиля.

Когда мальчику было два года, вся семья уселась в «Фиат-микро» и отправилась на каникулы в Багдад. Короткий отпуск обернулся четырехлетним кошмаром. Семью не выпустили из Ирака, а отец, молодой врач, был призван в армию и направлен на войну с курдами. Мать Базиля ни слова не говорила по-арабски, слабо знала английский, тяжело переживала ситуацию. Дед Керского, переводчик с английского, забрал обоих в Киркук на севере Ирака, где у него была служебная квартира. Он хотел, чтобы семья была ближе к Сабаху.

Когда отец вернулся с фронта, снова попробовали вести нормальную жизнь. Переехали в Багдад, потом в Диванию, столицу иракской провинции Кадисия (в последние годы — польская оккупационная зона, где живет много поляков, в основном инженеров, зарабатывающих на строительстве дорог).

После армии отец устроился в больнице, мать, которая уже говорила по-арабски, работала физиотерапевтом. Всё как будто налаживалось. В Дивании Базиль пошел в школу, учился на арабском языке. Дома говорили по-польски. Но в 1976 г., когда власть в Ираке начала переходить к Саддаму Хусейну, отец по счастью получил паспорт и визу. Официально семья ехала в Гданьск в отпуск, навестить родню. Действительную цель поездки скрывали даже от самых близких: сеть осведомителей уже тогда в Ираке была очень широкой. Отправились с двумя маленькими чемоданами, на счету оставили почти все сбережения за годы работы. Это должно было гарантировать, что не убегут. В ПНР? Нет, спасибо.

Радость возвращения домой столкнулась с беспросветностью заката эпохи Герека. Отец Базиля благодаря иракскому паспорту мог свободно путешествовать. Не сумел найти себя в действительности ПНР. Выехал в Западный Берлин, где стал хирургом в католической больнице. Вскоре получил статус политического беженца.

В 1979 г. они собрались перебраться в Германию. Это было непростое решение. Мать с сыном не хотели снова подвергаться травме, связанной с интеграцией, незнанием языка, отсутствием друзей. С момента выезда маленький Базиль почти каждые каникулы, кроме лет военного положения, проводил с матерью у друзей и родни в Гданьске. Они были здесь в период августа 80 го и «карнавала “Солидарности”».

В середине 80-х отец Базиля, уже как беженец, стал хлопотать о гражданстве Германии. Немцы поставили условие: гражданство должна принять вся семья. По тогдашним немецким законам это означало, что мать с несовершеннолетним сыном должны отказаться от гражданства ПНР.

— Пришлось пройти через одно из самых унижительных переживаний. Власти ПНР вынудили за всё дорого заплатить, — рассказывал потом Базиль.

Ему исполнилось 17 лет, и он решил, что останется в Берлине. Тогда-то и родился Керский. «С именем Базиль Камиль Кири

нелегко будет найти квартиру», — убеждали родители. Немецкой фамилии он не хотел, гордился польским происхождением. И выбрал польскую фамилию, которую немцам легко выговорить, — Керский.

— Я хотел подчеркнуть, что я поляк, но был слишком молод, чтобы знать, что существует кто-то такой, как Ян Карский, — говорит он нам. — Если бы знал, то, конечно, выбрал бы другую фамилию.

Керский окончил Берлинский свободный университет, где изучал политологию. В университете познакомился с Доротой Данелевич — сегодня журналисткой и слависткой. Они поженились, сейчас у них два сына. В Берлине семья живет среди берлинских поляков. В немецкой столице Керский подружился с поэтом Лешеком Шаругой, который уговорил его написать текст для парижской «Культуры» Ежи Гедройца, для №9 за 1994 год, где был большой блок материалов под заголовком «Утраченные пейзажи в немецкой литературе».

— Я был озадачен, я же тогда еще не умел хорошо писать по-польски, — вспоминает Керский. — Без помощи жены с языком не справился бы. Содержание понравилось Гедройцу, который стал заказывать очередные тексты.

Керские навестили резиденцию парижской «Культуры» в Мезон-Лаффите. Ежи Гедройц очень занят, принял их сухо, с формальной вежливостью. Но когда Базиль заговорил об Ираке, глаза редактора загорелись. Гедройц рассказывал, как попал в Ирак с армией Андерса, как нашел там монастырь французских доминиканцев, в который намеревался уйти после войны, если не сложится штатская жизнь.

— С этого времени редактор стал ко мне исключительно доброжелателен, — рассказывает Керский. — Попросил, чтобы я издал по-немецки книги Стемповского и Бобковского.

Так Керский занялся пропагандой польской политической мысли в эмиграции.

А что там с Туском?

В 1991 г. в Берлине проходила неделя польской культуры. Приглашены были, в частности, литераторы: Агнешка Осецкая, Ханна Краль, Тадеуш Конвицкий, Януш Гловацкий, Януш Андерман.

— Среди них был также Павел Хюлле, — вспоминает Керский. — Мы с ним крепко подружились, с первого взгляда.

Через Хюлле Базиль познакомился с Войцехом Дудой, главным редактором выходящего в Гданьске журнала «Пшеглэнд политычный» («Политическое обозрение»). Еще один «друг с первого взгляда». «Пшеглэнд политычный» выходит с 1983 г., это общее детище Дуды и Туска, которых связывает дружба. Дуда сейчас советник премьера.

— Следует ли из этого, что Туск — мой друг? Я знаю его лично, но наши отношения поверхностны, — подчеркивает Керский.
— Я никогда не был у него дома, не знаком с его женой и детьми. Как-то раз меня, как знатока немецких дел, попросили перевести для премьер-министра речь. Это было по поводу награждения Туска медалью Карла Великого в Аахене. Но премьер у микрофона стал импровизировать, поэтому мало что из моей писанины пригодилось.

Керский — автор нескольких книг. В течение ряда лет он возглавляет двуязычный польско-немецкий журнал «Диалог», совместно финансируемый правительствами ФРГ и Польши. Тираж семь тысяч, львиная доля расходуется по подписке. Центральноевропейская тематика, пропагандирующая идею диалога между народами. В течение последних 12 лет Керский был также программным директором Федерального союза немецко-польских обществ, объединяющего свыше 50 организаций.

— Там я приобрел опыт менеджера, — говорит Керский. — Федеральный союз организует конференции, съезды, посредничает в контактах верхушки двух государств. Это также лоббистская организация. Если какая-то группа имеет серьезную проблему и хочет с ней добратся до Бундестага, лучшей дороги не найти

Керский хорошо знает бывшего председателя Бундестага Риту Зюсмут и других влиятельных политиков. Он регулярно выступает в масс-медиа как комментатор. В мае 2009 г. «Шпигель» опубликовал нашумевший текст с тезисом, что Германия не была бы в состоянии осуществить уничтожение европейских евреев, если бы не помощь покоренных во Второй мировой войне народов, в том числе поляков. Керский, один из немногих, поставил этот тезис под сомнение.

По его мнению, авторы должны были написать, что гитлеровские верхи сознательно подпитывали антисемитские настроения во многих странах Европы. И что в Польше в этом участвовали отдельные лица, а не коллаборационистские правительства, как во Франции.

Керский печатается также в польской прессе — в частности, для «Газеты wyborczej» он написал с Петром Бурасом обширный текст о мифах, связанных с немецкой люстрацией и декоммунизацией.

Сегодня он один из немногих публицистов, пишущих и по-немецки, и по-польски.

Керский мобилизует ветеранов

Когда в Германии запланировали празднование двадцатилетия сноса Берлинской стены исключительно в присутствии лидеров великих держав, Керский вместе с другими влиятельными деятелями немецко-польских обществ мобилизовал польское лобби в Берлине.

И на торжество пригласили делегации центральноевропейских стран. Лех Валенса как легендарный вождь «Солидарности» получил самую видную роль: при свете камер он толкнул первую плиту, которая обрушила следующие, как костяшки домино. Это символ перемен во всем регионе.

УСТАЛОСТЬ ОТ ТРАУРА

Беседа с Тересой Торанской

* * *

ПОЛЯКИ ПРЕСЫЩЕНЫ МУССИРОВАНИЕМ АВИАКАТАСТРОФЫ

По данным Центра исследования общественного мнения, 87% поляков считают, что катастрофа под Смоленском превратилась в орудие политической борьбы. 85% опрошенных уверены, что тема трагедии удобна для отвода внимания общества от насущных проблем. 83% убеждены, что об авиакатастрофе говорится слишком много. Для 78% поляков постоянное муссирование этой катастрофы стало раздражающим фактором.

* * *

На борту разбившегося 10 апреля 2010 года польского президентского самолета Ту-154М находились 96 человек — президентская чета Лех и Мария Качинские, главнокомандующие родов войск, видные политики, члены семей расстрелянных НКВД в 1940 году польских офицеров. Представительная делегация направлялась в Катынь. Трагедия отозвалась всемирным эхом, но вся ее тяжесть выпала на Польшу и Россию.

В самой Польше трагедия поначалу сплотила общество. Но еще в дни национального траура стало ясно: смоленская катастрофа и ее жертвы станут орудием в политической борьбе. Так и произошло. Сами поляки говорят: «У нас две Польши». Причины катастрофы стали обрастать домыслами.

За несколько дней до первой годовщины авиакатастрофы польская прокуратура рассказала о своем следствии, которое призвано установить причины страшной трагедии. Материалы следствия уже составляют 153 тома. В нем принимают участие более ста прокуроров, которым дали показания более 500 свидетелей. Впервые было официально заявлено, что во время авиакатастрофы президентского самолета не было «действий террористического характера». Весьма важно выделение в отдельное следствие организационной части полета высокопоставленных делегаций. Речь идет о подготовке полетов в Смоленск в прошлом году премьер-министра Дональда Туска 7 апреля и президента Леха Качинского 10 апреля. Это значит, что теперь могут быть предъявлены

обвинения чиновникам канцелярий президента и премьера, представителям МИДа, министерства обороны, сотрудникам правительственной охраны и работникам польского посольства в Москве в несоблюдении своих служебных обязанностей.

Память о погибших в катастрофе почтена в стране мемориальными досками, обелисками, а также присвоением имен Леха и Марии Качинских улицам, площадям, скверам и паркам. Идет спор о памятнике перед президентским дворцом, против чего возражают 69% варшавян.

Об атмосфере вокруг смоленской трагедии рассказывает известная польская журналистка и писательница **Тереса ТОРАНСКАЯ**.

— Прошла первая годовщина авиакатастрофы. Как вы восприняли ее проведение? Что она показала? Что дальше?

— Наступила кульминация продолжающегося целый год траура. К сожалению, годовщина трагического события оказалась поделенной. Власть призывала к общности и примирению. Оппозиция же, главным образом члены и сторонники партии «Право и справедливость», предпочитала говорить об измене и занималась мобилизацией людей для демонстрации недоверия президенту и правительству и сугубо своей версии причин авиакатастрофы под Смоленском. Но, несмотря на хорошую погоду и лояльность варшавской мэрии, через Краковское Предместье у президентского дворца прошло не 60–70 тысяч недовольных манифестантов, как было анонсировано, а раз в десять меньше. Это предвестник того, что вторая годовщина уже не будет такой шумной и противоречивой.

— Кардинал Казимеж Ныч напомнил о польской католической традиции окончания траура через год. Однако оппозиция, сгруппировавшаяся вокруг Ярослава Качинского, брата погибшего в авиакатастрофе президента, даже не прислушалась к наставлению иерарха Церкви...

— Что хотел сказать кардинал Ныч? Он дал понять, что пришла пора положить конец демонстрациям протеста, ежемесячным приходам под президентский дворец политиков, которым память служит только поводом к проявлению политических амбиций. Вы католики, и траур закончен, словно обращается к ним кардинал. Но они будут приходить под разным предлогом. Например, в годовщину приведения к присяге президента Бронислава Коморовского, чтобы высказать свое очередное несогласие. Но обратите внимание: это все происходит в

основном в Варшаве. Да и варшавяне уже разочарованы таким навязчивым проявлением скорби. Люди устали.

— Вы разговаривали с несколькими десятками людей, непосредственно связанных с катастрофой: официальными лицами и близкими родственниками жертв. Как на них отразилась эта трагедия?

— Это было потрясением для всех. И у каждого своя оценка причин и последствий. Особенно причин. Польша и так была поделена. На Польшу, живущую мифами и поддерживающую национальные фобии. И на Польшу рассудка и здравого смысла. После катастрофы раздел в обществе углубился и мифологизировался, появилась возможность выхода всем амбициям, комплексам и представлениям. Всё превратилось в исторический символ. Я всех спрашивала, о чем подумалось в первый момент случившейся трагедии, когда разбился самолет. Для одних первая мысль: катастрофа. А для других — приговор, покушение, заговор.

— А чем эта авиакатастрофа стала для всех поляков?

— В первые часы и дни национальную трагедию олицетворяла нескончаемая очередь к президентскому дворцу в Варшаве. Все скорбели по жертвам страшной и ужасающей катастрофы, а не по убитым и павшим. Но уже в понедельник, через два дня после случившегося, одна из газет вышла под шапкой «Катынская катастрофа». Сразу было дано понять, что это еще одна Катынь. А еще через два дня началась политическая игра, которой нет конца до сих пор. Первым сигналом стало решение похоронить президента Леха Качинского в Вавельском замке в Кракове. Отсюда пошла мифологизирование и политизация трагедии под Смоленском. Это в конечном итоге привело к тому, что сейчас, когда идет второй год после трагедии, большинство поляков вообще ею не интересуется. Людям надоело каждодневное преувеличенное внимание к катастрофе. Многие признаются, что чувствуют от этого неприятный осадок и даже отвращение. Двое студентов даже предложили объявить какой-нибудь день днем без дискуссий о смоленской катастрофе. Их стразу же поддержали десятки тысяч поляков, но акцию провести так и не удалось. Есть опасность, что может измениться почитание жертв катастрофы. А это болезненно отразится на их близких, которые и так умоляют политиков не раздирать незажившие душевные раны. Они уже и так не включают телевизор, не слушают радио, не открывают газет.

— Почему, по вашему мнению, произошла катастрофа президентского самолета?

— Польская комиссия по расследованию причин трагедии рассматривает множество версий. Жестокий для поляков отчет, как сказал министр МВД Ежи Миллер, будет опубликован, видимо, еще нескоро. Прокуратура выделила в отдельное дело следствие о чиновниках, которые готовили визит. Дабы сделать надлежащие выводы из такой катастрофы, чтобы избежать подобного в будущем, надо всё расставить по своим местам, не щадя погибших. Но я бы хотела сказать о психологической западне, в которой оказались как поляки, так и россияне. Мне это кажется очень важным. Самолет с Лехом Качинским во главе внушительной делегации на борту обязан был приземлиться в то злополучное субботнее утро. На политическую карту была поставлена работа президентской канцелярии. Давил и успех встречи главного политического соперника — премьера Туска с российским премьером Путиным тремя днями раньше в Катыни. Диспетчеры аэропорта «Северный» не могли задержать посадку этого самолета. Только представьте себе эхо скандала: русские не пустили президента Польши в Катынь! А состояние командира экипажа президентского самолета, который знает, что обязан его посадить? Тем более что раньше уже сел доставивший журналистов на Яке-40 его коллега, хотя и предупредивший в непечатных выражениях об условиях. Можно предположить и амбиции президентского пилота: другим же удалось! Это очень даже по-польски! Ведь Матка Боска Ченстоховска бдит и опекает... Больше всего в этой катастрофе меня поражает то, что произошла она из-за глупости. Леху Качинскому визит в Катынь нужен был как предисловие к старту президентской кампании, которую уже готовил его штаб.

— Что вы думаете о следствии МАКа? Теперь много разговоров, что его надо было вести совместно или сугубо самостоятельно.

— Слава богу, что следствие проводил МАК. В ином случае одна вещь была бы вообще невозможна. У нас нет такого морга, чтобы привезти столько останков, разложить их и сложить, провести вскрытия и опознания. Нельзя также представить и самостоятельное следствие — трагедия же произошла на российской территории. Физически было бы невозможно исполнить весь процесс транспортировки в Польшу. И еще один важный момент. Если бы следствие началось в Польше, то вряд ли оно было бы отделено от непосредственного вмешательства отдельных наших политиков. А так они были на расстоянии

почти двух тысяч километров. То, что следствие началось в России, — очень верный и правильный шаг.

— Тогда почему такую бурную реакцию вызвал в Польше отчет МАКа, как писали газеты, «пагубный для польского образа в мире»?

— Знаете, образ страны не формируется в течение часа и утратить его после одного сообщения трудно. Но есть одна вещь в отчете, которая особенно возмутила поляков. Это 0,6 промилле алкоголя в крови командующего ВВС генерала Бласика. Эту деталь в отчете все восприняли как мелочность. Как щелчок по носу. Мол, нам поляки беспрестанно что-то втыкают, вот мы и им шпильку воткнем. Большое государство должно быть умнее.

— Весь год у президентского дворца проходили антиправительственные и антироссийские манифестации. Их символом стал католический крест, который стал использоваться как орудие политической борьбы. Чтобы вы сказали на это?

— Очень хорошо, что проблема креста приобрела общественное значение. Перемещение креста от президентского дворца в костел естественно. То, что происходило под крестом, способствовало секуляризации. Я часто туда приходила — послушать, что говорят люди. А говорили они страшные вещи. С ними невозможно было вступить в беседу, потому что они не признавали иную точку зрения. Зато молодежью, которая там же противостояла религиозным фанатикам, можно было восхищаться. Теперь не будет для Церкви места в общественном пространстве в таком диапазоне, как было до этого. Есть место, где должен быть крест, а есть место, где есть государство. Мне думается, много людей поняли, что не может быть так, чтобы Церковь и ее иерархи правили в Польше. Скандалы под крестом у президентского дворца показали, что Церковь не сумела совладать с ситуацией, да и не хотела, продемонстрировав политические амбиции. Похоже, что это приведет к ослаблению влияния Церкви на общество. И это важно.

— Участники манифестаций у президентского дворца ставят знак равенства между трагедиями в Катыни и под Смоленском. Я сам видел транспарант «17.09.1939 — 10.04.2010»...

— Ни в коем случае нельзя смоленскую катастрофу называть «второй Катынью». Двоюродный брат моей мамы погиб в Катыни. Его снимок сталинских времен долго хранился в коробочке для пуговиц, и я знаю с детства, что это такое. Те, кто

сейчас называет катастрофу под Смоленском «второй Катынью», кормятся символами. Но прошло уже более 70 лет. Нет уже НКВД и Советского Союза. Россия уже не та. Чтобы не говорилось о Путине, я не считаю его демократом, но до Сталина ему далеко. Думаю, что нет сейчас условий в Европе, чтобы реализовать амбиции Сталина. Поэтому говорить о массовом убийстве год назад под Смоленском — это абсурд, это остановка в развитии.

— Осенью грянут парламентские выборы. Пойдет ли в ход «смоленская карта»?

— Несомненно. На президентских выборах она уже была разыграна. Штаб Ярослава Качинского обрабатывал ее непрерывно. Государственное телевидение было залито материалами о покушении, заговоре, искусственном тумане, некоторых якобы спасшихся пассажирах президентского Ту-154М, которых добивали... Рассудительный человек это всё отсеет. Но останутся 20%, которые по-прежнему будут в это верить. Как в умышленное убийство Владислава Сикорского, которого эксгумировали и в третий раз похоронили. А ведь может случиться так, что начнут раскрывать гробы жертв авиакатастрофы под Смоленском — уже были индивидуальные требования об эксгумации. И начнется досмотр, что там есть. Будут вещи страшные. Раскрытие одного гроба вызовет цепную реакцию. А разве можно, чтобы после такой катастрофы чего-то не было?

— Может ли победить «Право и справедливость», а Ярослав Качиньский стать премьером?

— Президент Бронислав Коморовский сказал, что если назначить главой кабинета министров Ярослава Качинского, то в Польше будет «перманентный национальный траур». Но я думаю, что «Право и справедливость» выборы не выиграет. Другое дело, в каких пропорциях будут результаты выборов и кто с кем войдет в коалицию. Но я не думаю, что главное для лидера ПиС — завоевать власть. Он хочет иметь сильную партию, но больше всего он хочет, чтобы его погибший брат стал в сознании поляков мучеником, а в истории Польши — Пилсудским, который лежит по-соседству с Лехом Качинским в Вавельском замке. Кардинал Станислав Дзивиш, оценивая высказывание Ярослава Качинского, который считает, что его брат погиб в Смоленске «мученической смертью», заметил, что там случилось несчастье, а с мученичеством мы имеем дело, когда смерть наступает за веру.

— В Польше все сообщения и дискуссии вокруг авиакатастрофы под Смоленском идут в контексте отношений с Россией. Что бы вы сказали на этот счет?

— Когда я разговаривала с близкими погибших, с теми, кто побывал на месте катастрофы и на опознании, не было никого, кто бы плохо отзывался о россиянах. Когда сейчас из Варшавы исходят версии о заговоре и покушении, то можно понять обиду, горечь и досаду россиян, которые в первые часы и дни после трагедии проявили столько симпатии, чуткости и помощи. Но всё наносное и случайное проходит. К сожалению, символом в наших отношениях стала Катынь, которая до сих пор мстит. Есть такая польская поговорка: «Правда, как масло, всегда всплывает наверх». И чем раньше это приходит, тем лучше для всех.

— Президенты России и Польши Дмитрий Медведев и Бронислав Коморовский встретились в Смоленске и Катыни на перекрестке двух трагических годовщин. Как вы оцениваете эту встречу, ведь в Польше есть политики, которые назвали ее «плохой идеей и неудачным решением»?

— Эта встреча была нужна. Не только как жест примирения. Чем больше контактов, тем лучше. Тем более на высшем уровне. Одно дело — встречаться из дипломатических соображений, а другое — по велению сердца и разума. Уверена, что между Медведевым и Коморовским, которого я знаю как человека открытого, установились не только официальные, но и неформальные отношения. Это было видно, как они общались друг с другом. Так и должно быть между соседями.

Беседовал Валерий МАСТЕРОВ —

корреспондент газеты «Московские новости» в Варшаве

*

Тереса Торанская — известная польская журналистка, автор многочисленных публикаций, книг, телепрограмм и документальных фильмов. Лауреат многих журналистских премий. Считается мастером интервью, сущностью которых становятся человек и его судьба. После авиакатастрофы польского президентского самолета провела десятки бесед на эту тему с официальными лицами и близкими родственниками погибших. (Одно из них, беседа с польским министром здравоохранения Эвой Копач, напечатано в «Новой Польше», 2010, №11.)

В ДЕРЕВНЕ НЕТ ДЕРЕВНИ

В польской деревне культура чувствует себя совсем иначе, чем в большом городе, но все-таки она не имеет ничего общего с тем стереотипом деревенщины, провинциальности и локальности, который прочно обосновался в сознании жителей метрополий.

Вскоре появится книга, где содержится отчет об опросе, посвященном состоянию культуры в деревнях и малых городах Польши. Он проводился летом и осенью 2010 г. по поручению министерства культуры и национального наследия. Коллектив под руководством проф. Войцеха Ю. Буршты проанализировал материал, собранный в 32 населенных пунктах всей страны, чтобы показать, каким образом там «справляются с действительностью в Польше за пределами центра». Картина, которая возникает на основании проделанного анализа, фактически не только не укладывается в обыденные представления о деревне и провинции, но и ставит под сомнение актуальность многих выработанных ранее спекулятивных концепций, касающихся польской культуры на местах.

Часовенки и орлики

Опросы показывают (и в этом состоит основополагающая исходная точка), что «в деревне нет деревни». Из поселений, прежде сельскохозяйственных, исчезает тот колорит, который всегда им приписывается: нет телег, в которые запряжены лошади, нет коров на пастбищах, не слышно даже пения петуха. Земледельческая, сельскохозяйственная деревня, известная нам еще в эпоху ПНР, уходит в прошлое, в том числе и потому, что крестьянин стал «производителем продовольствия», а рядом со знакомыми по прежним временам малыми хозяйствами появились большие фермы. Зато растет число несельскохозяйственных деревенских поселений, которые трактуются как «спальные районы», так как их жители работают в недалеко расположенном городе. Неслучайно проф. Мирослав Духовский предлагает пользоваться термином «градосело», который, как представляется, лучше всего передает специфику провинциального пространства.

Люди, попадающие навстречу в центральных пунктах такой деревни (или «градосела») вроде автобусной остановки либо окрестностей магазина, не отличаются по внешнему виду от «городских». Молодые парни — в джинсах, майках или футболках, иногда в тренировочных костюмах, девушки — в коротких юбочках, с макияжем, белокурой прической и обязательными типсами — накладными ногтями. Отчетливо доминирует стиль дискотеки. В домах и усадьбах, несомненно более ухоженных, чем еще два десятилетия назад, вместо двора с собакой на цепи чаще могут встретиться гномики и шреки, специально предназначенные для палисадников.

Во многих деревнях и маленьких городках сталкиваются контрастирующие стихии: костел с дискотекой, традиция с поп-культурой, прошлое с настоящим. Сталкиваются по-разному, по-своему в Силезии, по-другому в Подлесье, еще иначе — близ западной границы страны. По мнению Томаша Шлёндака, можно, однако, назвать два типа объектов, которые сегодня в периферийной Польше удастся найти везде: придорожные часовенки и орлики^[1]. Именно таков самый распространенный пример конфронтации традиции с современностью.

Как замечают Мирослав Духовский и Эльжбета Анна Секула, в сфере местной культуры меняются соотношения между священным и профанным, хотя по-прежнему «ритм мирского времени, в том числе и ежедневного, а не только в его круглогодичном течении, связан со священным временем, причем темп и очередность действий нередко устанавливаются Церковью. Такая трактовка времени находит свое отражение и в публичном пространстве, заполненном фигурами святых, крестами и часовнями, то есть элементами, в значительной степени отличающими его от пространства крупных метрополий. (...) В провинции мы встречаем также специальные священные пространства (например, храмы и святые места), равно как гармоничные, плавные сочетания священного и профанного в публичном пространстве, — нам известно много таких сел, деревень и городков, где самая короткая дорога через рыночную площадь ведет из костела прямо в закусочную или пивную (эту культурную трассу используют особенно после воскресного богослужения). Случается, что «микс», смесь священного с мирским становится также элементом, притягивающим “сакротуристов”».

Проф. Томаш Шлёндак называет такие места «культурными якорями». Это территории, объекты или символы,

определяющие собой местную самобытность и вместе с тем образующие визитную карточку данного населенного пункта для внешнего мира. Гетшвальд благословляет явленную там Матерь Божью, Кольбушова хвастает культом Франца-Йосифа, а Лежайск старается хранить память о былой еврейской культуре, которая в прошлом бурно там развивалась.

Культурными якорями могут служить поля сражений, костелы, этнографические музеи-заповедники (скансены), но и продукты питания (драхимские меды из-под Дравска или корытинские сыры).

Ничего не происходит

Горе в том, что не каждая местность располагает таким якорем, — большинство сел и городков просто погрузилось в своего рода культурный стандарт, лишенный сколько-нибудь яркого, выразительного колорита. В результате люди, у которых спрашивают о культуре в их краях, сплошь и рядом повторяют фразу: «Здесь нет ничего, ничего не происходит». Сотрудник местного культурного заведения из Венгрова говорит анкетерам: «Как на мой глаз, тут уже нечего обследовать».

В мазовецкой деревне Гвиздалы исчез кружок сельских хозяек, всякие объединения по интересам, свое пожарное депо. Зато возник Музей свистка, экспонаты для которого поставляет, между прочим, один ремесленник из Украины. Надо сказать, такой музей — это не только проявление местной находчивости, но прежде всего пример «изобретенной традиции». Традицию можно придумать, можно также пристроить что-нибудь к уже существующей.

Несколько лет назад культурологи заинтересовались разведанным журналистами любопытным феноменом — производством стрингов, которое наладили кружевницы из Конякова в Силезских Бескидах. Это место испокон веков известно своими народными кружевами, и мнения разделилась: одни возмущались, другие, напротив, сочли кружевные стринги новым местным козырем, особым примером культурного якоря.

В отчете о проведенных в 2008 г. опросах на тему дифференциации городской культуры Буршта отметил: «Громадным преувеличением было бы утверждать, что благодаря исповедуемым ценностям, а также переменам в культурных предпочтениях польское общество становится постмодернистским. Опрашиваемые подчеркивали — понимаемую, разумеется, по-разному — связь с традицией».

В случае опросов, о которых сообщается здесь, респонденты, похоже, еще сильнее демонстрировали эту связь. На вопрос, важна ли традиция, каждый из опрашиваемых давал утвердительный ответ, хотя такая тема, как способы культивирования традиции и связанные с этим индивидуальные методы, оказалась гораздо более нюансированной и неоднозначной. Можно сказать, что само знаковое слово «традиция» словно бы автоматически запускало необходимость позитивного отклика, но уже далеко не все анкетированные воздавали хвалу традиционным стилям жизни или одобряли критическую отчужденность от современности.

Относительно редко респонденты связывали тематику традиций с прошлым тех мест, где живут они сами. Это очевидно в случае западных и северных регионов (воссоединенных земель) — здесь в интервью с сотрудниками локальных культурных центров несколько раз появлялось сожаление по поводу отсутствия фольклора. Однако такой же сюжет то и дело мелькает и в высказываниях тех, кто работает в учреждениях культуры из других частей Польши. Характерное отождествление местной традиции с фольклором является, похоже, остаточным проявлением давних представлений о народной культуре, а отчасти может быть и результатом пээнэровской культурной политики, которая охотно прибегала к «фольклоризирующим» процедурам.

Как бы то ни было, обследуемые декларируют уважение к традиции — вот только эта традиция необязательно соотносится с местной спецификой. Конечно, люди более или менее знают, «что здесь было когда-то» или что «жилось иначе», но чаще всего они не включаются стихийно в ассоциативное поле ключевого понятия «традиция» применительно к прошлому своей деревни или городка. Гораздо чаще в них открывается кармашек с надписью «национальная традиция». В итоге периферийная Польша — может быть, кроме Силезии — уделяет местной культурной самобытности скорее небольшое внимание, и в этом смысле даже регионы близ западной и восточной границ немногим отличаются друг от друга. Побеждает, как говорится, своеобразный культурный стандарт, особого рода плод функционирования того механизма, который антропологи называют креолизацией культуры. Для примера заметим, каким образом выглядят сегодня деревенские свадьбы — по существу так же, как и городские, хотя в среднем они бывают более пышными, а в репертуаре музыкантов присутствует больше песенок в стиле «диско-поло».

Гуляночный стиль

Новым элементом провинциального культурного ландшафта стали дискотеки, равно как и связанные с ними обычаи, напоминающие то «кочеванье», которое принято в больших городах: в течение одной ночи развлекающаяся молодежь объезжает на машинах несколько дискотек в округе, что одновременно дает случай «красануться», показать товар лицом: у этого новые «колеса», тот «снял» новую девушку. Однако невзирая ни на что в весенне-летний сезон институтом, который наиболее заметным способом формирует провинциальную культуру, остаются гулянья. Еще не так давно они составляли элемент городской культуры, а сегодня гулянья проходят под разными предлогами и в деревне, где они производят впечатление гулянок после престольных праздников.

Типичный репертуар таков: гастрономические точки; лотки, прилавки или палатки с товарами ручного народного промысла (изготавливаемыми, кстати говоря, в городе) и с местными кулинарными «изюминками»; конкурс «Мисс Малолетка»; спортивные турниры местного значения; выступления ансамблей «диско-поло». Как отмечает Томаш Шлёндак, «в повседневной жизни никакого деревенского сообщества нет, зато есть народно-гуляночный посттрибализм».

Означает ли это, что гулянье всегда нравится? Необязательно. Критическая оценка касается, впрочем, не только гуляний. Из проведенных Яцеком Новинским аналитических опросов о том, как функционируют культурные учреждения, вытекает, что по существу критические замечания отсутствуют только у детей: «Как ни парадоксально, но жители жалуются на недостаток предложения со стороны этих учреждений за пределами летнего сезона, когда, по утверждениям самих центров культуры, в них происходит наибольшее число событий. Знакомство местных жителей с планами культурных учреждений сводится чаще всего к определениям «ничего не происходит», «что-то делается» и реже всего — «происходит многое». Это связано, с одной стороны, с очень слабой системой культурной информации, а с другой — с таким программным предложением, которое часто попросту не имеет своего адресата».

Местные общины как правило игнорируют локальные культурные мероприятия. Проф. Шлёндак: «В большинстве населенных пунктов, которые мы обследовали, культура «делается» либо для приезжих, либо для ее организаторов, работающих по наитию, по присвоенному себе праву или по

политическим соображениям. Почти нигде культура не «делается» с мыслью о жителях».

Картина культурной жизни в провинции, нарисованная такими красками, наверняка выглядит не оптимистически. Невзирая на это есть смысл отметить, что даже маленькие деревеньки затронуты цивилизационными изменениями. Косметические кабинеты или тренажерные залы действуют даже в сельской местности, а телевидение уже перестало быть там единственным источником предлагаемых развлечений. Наши деревни, быть может, не знают своего фольклора, зато они всё заметнее становятся глобальными деревнями, даже если на гуляньях непременно обязан прозвучать гимн польской провинции, дископольный мегахит «Сумасбродка».

1. Орликом в Польше называют многофункциональную спортплощадку, часто с синтетическим покрытием (по названию соответствующей государственной программы популяризации физкультуры и спорта, где их сооружение поощряется и субсидируется). Часовенка (капличка) — не часовня в нашем понимании, а двухскатный навес над статуей Спасителя, какого-либо святого или чаще всего Богородицы. — Прим. пер. и ред.

Рассказы из книги «ПРОДАННАЯ МУЗЫКА»

ИГРА ВО СНЕ

— Были такие места, где нам велели только играть и играть, без остановки, — рассказывает Кендзерский. — Так было в Дронжне, Сульгостовицах и в Жердзи. Даже по нужде не хотели отпускать. Другое дело покурить. Это можно было. Я откладывал гармонь и медленно закуривал. Танцоры собирались вокруг отдышаться. Только и ждали, когда я кончу курить. Что было делать, научился играть и спать. Не то чтобы совсем спал. Дремлю, а пальцы как-то сами ходят. Брат мне говорил, что, когда я вернусь со свадьбы и засну, у меня пальцы сами ходят по одеялу, как по клавиатуре.

Рассказ 2002 года

ИСКУССТВО ВЫДЕРЖАТЬ

Рассказ скрипача Мариана Буяка

Я, когда входил в дом, где свадьба, садился в углу справа от входа. Там было безопаснее всего. Танцоры не выбивали скрипку из рук. Танцевали в кругу. Часто бывало так, что на свадьбе играли два оркестра, отдельно у молодого и у молодой. У молодого оркестр похуже. Когда шли гости, мы прерывали игру и шли к дому их приветствовать, играя марш. За это мне бросали деньги в скрипку — так называемые вброски. Так мы нанимали за пару грошей мальчишек, чтобы следили, когда кто подходит.

Когда был мороз, а я играл в коляске по дороге в костел, то у меня были перчатки без пальцев. Пальцы растирал водкой. Надо было следить, потому что, когда на свадьбе начиналась потасовка, первые удары шли в висящую под потолком керосиновую лампу. Надо было оттуда линять, потому что сразу всё, что под рукой, летело в ту сторону. В конце свадьбы мы играли фотр, казака и марш. На свадьбу ехали во вторник, свадьба шла со среды до вечера четверга.

Когда мы уезжали, старший дружка платил оркестру. Если мы свадьбе нравились, он спрашивал, сыграем ли мы на

«поправинах». А это полсуммы за свадьбу. Поправины были в воскресенье после свадьбы с полудня до одиннадцати ночи. Там играли от себя. Потому что на свадьбе играли только то, что нам напоят. После свадьбы нас отвозили фурой домой.

А знаете, какая была бедность? Хлеб пекли два раза в году: на Рождество и на жатву. Ели картошку и борщ. О мясе даже не мечтали. Всё продавали на базаре. Если кто-то до нового урожая занимал зерно, то не платил, а должен был отработать.

Рассказ 2003 года

МАСТЕР

Рассказ о Казимеже Мето

У меня всегда, когда я слушаю его музыку, мурашки бегут. Я думаю, что если бы он занимался чем-то другим, а не играл несерьезную деревенскую музыку, то был бы знаменитым и богатым. Он говорил с гордостью: «Я славлюсь на весь приход, меня даже под Серпц приглашали!»

Когда ему исполнилось восемьдесят лет, руки дрожали, не давали играть. Сейчас он даже коров не пасет. Это было его главное дело. Обычно вижу, где-то сидит, будто не здесь, и посвистывает. Весь мир — это одна большая мазурка.

2003 год, именины жены брата, Ани Мето. Посреди деревни, около ларька с пивом, сидит Мето, раздетый до пояса. Косится на нас одним глазом. Узнал, поднял большущие лапы и захлопал. Кричит: «Ну, пан Анджей нас любит, всё время приезжает!» Я спрашиваю, ездит ли он на «фольклоры». Он посерьезнел: «Дорогой мой, уже нет для меня подходящих людей, чтоб подыграть на барабане или на контрабасе. Уже нет таких людей».

ВСЕ ПРОШЛО

Ян Муха сидит апатично у стола, смотрит в окно. Он не в духе и не очень хочет с нами разговаривать.

— Ну да, у нас с братьями был оркестрик, так себе. Нас приглашали на дешевые свадьбы или гулянки. У нас две скрипки и барабан, но пришла новая мода на большие духовые оркестры, так нас перестали приглашать. Играли «комплектами»: вальс, полька и оберек, иногда еще раз оберек. На свадьбе выпить — бочонок бражки, к ней хлеб. Такое было угощение.

— А сколько вы за такую свадьбу получали?

— А только чтобы на трубки хватало и немного водки попивахом — бедность была. Но были и настоящие свадьбы под Яновом. Там играл духовой оркестр, двенадцать человек, из Забужья. Когда-то музыкантов уважали, потому что они делали музыку. Всё прошло и не вернется, — говорит он, отворачивается и смотрит в окно.

Встреча 2003 года

МАСТЕРА ГАРМОНИ

Их еще осталось несколько. Мастеров гармони. Уже старые, усталые, забытые. У каждого свой секрет. Никому не скажут, как сделать, чтобы гармонь хорошо звучала. Производство инструментов было большим искусством. За год делали аж по две гармони! Кто помнит о Едынаке из Гневошева? Кендзерский говорит, что знает, где он сейчас живет. Родился в 1912-м. Едем туда. Долго отыскиваем этот маленький кирпичный домик на большой пустой площади. Заходим. Одни, вторые, третьи двери. Неожиданно попадаем в кухню. Посередине стоит жена Едынака. «Чего пришли?» — спрашивает. Вокруг полно бутылок, тряпок, ненужных предметов. Старые Едынаки уже не справляются с домом.

Е. спит во второй комнате. Жена идет его будить. Е. выходит. Ему 91 год. Заспанный, на одном глазу бельмо. Вторым быстро осматривается. Закрученные усы. Кажется наблюдательным. Мы садимся у стола, на нем остатки еды, тарелки. Марианна стоит около мужа. Когда я о чем-то спрашиваю, она отвечает первой. Муж сверкает бельмом, фыркает на нее: «Молчи! Я отвечу!» Я смотрю через стол на эту пару, и меня охватывает волнение. Ведь они сыграли такую большую роль в музыке. Никто о них не помнит, никто не навещает. Они делали гармони, подписанные «Генрик Едынак — Гневошев». На скольких свадьбах на них играли? Кендзерский спрашивает, не продадут ли ему гармошку. И в самом деле. Проходим в овин. У меня перехватывает дух. На гумне и в закромах лежат груды недоделанных гармоней, заржавленных. Из этих груд Е. извлекает потрепанную гармонь. К. говорит, что такую не купит. Е. отвечает: «Покупайте, я почию». Называет абсурдно высокую цену и еще хочет задаток. Сверкает глазом, как портной с картины [Тадеуша] Маковского. Это трогательно. Он не хочет знать, что мир изменился, что никто уже не купит его гармони. Выходим из сарая. Рассерженный Е. демонстративно его запирает. Я спрашиваю жену: «А вы помогали мужу с

гармониями?» — «Работали на равных, — говорит она. — Но кто ценит работу женщины?»

Визит в сентябре 2003 года

ДВА МИРА

Настоящее столкновение двух культур я увидел на Украине. Я уже много лет навещаю пани Сидоренко из-под Чернобыля. После катастрофы вся деревня рассеялась где-то под Киевом. Лишенные корней люди дошли до отчаяния. И вот С. и ее подруги собрали деревню вместе, вернули ей чувство достоинства и гордости. Благодаря необычным песням и обрядам, в которых принимает участие вся деревня.

Исключительность того, что делают «чернобыльцы», как их тут называют, постепенно привела к известности. Они — предмет исследований, фильмов. В 2005 году еду с М. посмотреть эти обряды, потому что это уж точно последнее место в мире, где русалки отправляются на кладбище. Я очень этим захвачен. Долго разговариваем с С. Обряд начинается в сумерках. Неожиданно к дому пани С. подъезжает большой автобус с кондиционером. Это видный украинский этномузыковед привез своих студентов из Киева и Калифорнии. С. счастлива, столько гостей, человек сорок!

Студентки поют песни «чернобыльцев», которые выучили по магнитофонным записям. Расхождения с оригиналом их не интересуют. Разбредаются по двору, едят, мусорят. Никто не пробует установить контакт с деревней (а вся деревня участвует в обряде). Пани С., которая встала на работу (она доярка) в четыре утра, сейчас хлопочет с едой для гостей. Ни одной студентке не придет в голову помочь. Ведь они заплатили в бюро путешествий в Калифорнии за экскурсию! Их украинские сопровождающие прекрасно развлекаются, поют (в общем-то, неплохо), вьют себе венки. Через некоторое время я не выдерживаю, у меня скверный характер. Иду к студенткам: «Сударыни, вы сюда приехали с края света и из Киева, чтобы увидеть и послушать, как здесь поют. Как это делает пани С., когда готовит обряд. Я вижу, что вы прекрасно развлекаетесь, а хозяйка надрывается на кухне, готовя для вас пожрать. Вы действительно за этим полмира проехали?» Девушки не понимают, о чем я. Они ведь заплатили за экскурсию.

Этномузыковед из Киева молчит. Ах, как хорошо я знаю это отношение к деревенской культуре — приправленную сентиментализмом показную симпатию. А на самом деле эти студентки убеждены, что они поют лучше, потому что у них

красивые молодые голоса и музыкальное образование. И в голову им не придет, что таких коллективов, как у них, сотни по всему миру, а С. и ее подруги — единственные и что своим поведением они нарушают традиционное течение обряда, чем уничтожают его.

Около двух часов ночи к дому подъезжает автобус. В сельском пейзаже он выглядит как НЛО. Девицы многословно прощаются, усаживаются и едут в киевскую гостиницу. Оставляют после себя мусор, грязную посуду, беспорядок. Мы чистили, мыли, а С. в четыре утра на работу... Что тут особо говорить, бывало значительно хуже. Но мне об этом даже не хочется рассказывать.

Случай на Украине, 2005 год

ПЕРЕДАТЬ УСЛЫШАННОЕ И УВИДЕННОЕ

Анджей Беньковский (род. в 1946 г. в Варшаве) некоторым образом принадлежит двум символическим мирам искусства. С одной стороны, он профессиональный живописец, выпускник Варшавской академии изящных искусств, в настоящее время профессор и руководитель кафедры живописи, рисунка и скульптуры на факультете промышленного дизайна в этом учебном заведении, экспонент и автор многих художественных выставок в Польше и за границей. С другой стороны, более тридцати лет он, вне своей профессии, занимается документированием сельской традиционной музыки. Разграничительная линия между этими художественными явлениями обозначена, конечно, не разницей областей артистизма или мнением о ценности, то есть качестве, каждого из них. Различие коренится прежде всего в истоках, то есть в самих творцах. Беньковский говорит: «Я всегда интересовался людьми с другим воображением, людьми другой культуры. Интересовался наивным искусством, и меня всегда интриговали связи — глубокие, мотивирующие — между наивным и профессиональным искусством. К наивному искусству я отношу также игру сельских музыкантов, самородное искусство, не подкрепленное профессиональным образованием, опирающееся на большой талант и глубокую внутреннюю страсть».

В конце 1970-х, восхищенный услышанной по радио записью народного оркестрика, Беньковский начал искать в польских деревнях старых музыкантов. Он открыл вымирающий мир деревенских исполнителей — стариков, чья музыка, когда-то неотъемлемый компонент сельской культуры, перестала быть понятной, ценимой, даже родное окружение относилось к ней как к архаике.

Деревенский фольклор — это в силу своей природы предмет интереса этнографии, но Анджей Беньковский не претендует на то, чтобы придать своей деятельности научный ранг. Он входит в среду как дилетант, прежде всего любитель стародавних мазурок и оберегов. Единственный технический инструмент — звукозаписывающее оборудование, а лучшими способами исследования он считает встречу и беседу.

Результатом многолетней работы стал ценный архив деревенской музыки и пения, собранный преимущественно в Центральной Польше, а также на Люблинщине и с 2003 г. в районах Восточной Украины. Это, наверное, самое крупное в Польше частное собрание такого рода, и Беньковский популяризирует свои находки в изданиях звукозаписей, в документальных фильмах, в радио- и телевизионных передачах.

Одновременно он собирает старые фотографии и сам снимает играющих и поющих. Ведет записи о встречах с музыкантами: коллекционирует услышанные от них истории, рассказы о мероприятиях (преимущественно свадьбах), на которых они играли, детали, касающиеся музыкальной жизни старой польской деревни, бытовые анекдоты. Фотографии и записи, сделанные во время поездок, легли в основу его книг: «Последние сельские музыканты» (2001), «Проданная музыка» (2007), «1000 километров музыки. Варшава — Киев» (2010), а также книжки-пластинки из серии «Обретенная музыка».

Беньковский говорит, что писателем он стал только для того, чтобы передать другим услышанное и увиденное. Его дневники — это записи фактов, изредка снабженные авторским комментарием. Короткие рассказы — как кадры фрагментов деревенской действительности, минувшей и нынешней. И, когда они полны эмоционального значения, экономность и загадочность слова оказывается самым лучшим средством выразительности. Читательское подсознание отмечает, что материя, с которой имеет дело Беньковский, очень деликатна и непростая. По ряду причин.

Во-первых, мир и люди традиционной деревенской музыки по преимуществу больше принадлежат прошлому, нежели настоящему. Они исчезают. Исследователь оказался свидетелем этого вымирания, становившегося всё более заметным на протяжении лет его этнографических штудий.

Во-вторых, это вопрос стыда. Польша — страна, закомплексованная на пункте своей деревни, и очень трудно от этого комплекса избавиться. Всё еще царит мания угнаться за современностью, отождествляемой с приобщением к образцам поп-культуры, при утрате того, что индивидуально и оригинально. И такой характер приобрела музыка, которую сегодня считают деревенской. А ведь без народных мазурок музыка Шопена не была бы тем, что она есть. Приемы рубато при исполнении мазурок сравнимы с утонченными импровизационными навыками джазистов, пускай многие и находят в такой аналогии преувеличение. Стыд имеет еще один

источник — бедность деревни. Записи Беньковского подчеркивают повсеместную бедность среди крестьян как в Польше, так и на Украине. Экономическая отсталость символически накладывается на народное творчество: оно считается чем-то худшим, менее эстетичным, ибо ассоциируется с нищетой, убожеством, старостью.

Еще одна проблема — специфическая ментальность сельской среды: недоверие крестьян, сверхчувствительных к своим комплексам, особенно при контактах с пришлыми, непонимание инаковости, прагматизм. Анджей Беньковский взял на себя, в определенном смысле, еще и функции антрополога и психолога; его описание людей деревни фиксирует их особый способ мышления и мировосприятия. Как человек извне, вдобавок горожанин, он неоднократно должен был проявлять особую чуткость и терпение, чтобы достучаться до них, — не без огорчений, непонимания и неудач.

Работа Беньковского верифицирует представления поляков о родном фольклоре, который в масс-медиа сводится к гуральской традиции (ограниченной районом Подгалье в Татрах), яркими краковским костюмам, бумажным вырезкам из Ловича или мелодичным песням популярного ансамбля «Мазовше». Беньковский показывает, что подлинное деревенское искусство и традиции несут в себе много прекрасного, но больше сурового и тяжелого, чем идиллического.

Анджей Беньковский отмечен премией имени Оскара Кольберга, наградой, присуждаемой министром культуры и национального наследия за выдающиеся достижения в области польской народной культуры.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Главная новость этой весны: премьер-министр Дональд Туск и общественное движение «Граждане культуры» подписали 14 мая в варшавском Национальном музее «Пакт в поддержку культуры». Это общественный договор, в котором устанавливается увеличение — как минимум до 1% — расходов на культуру в государственном бюджете в перспективе до 2015 г. (в будущем году расходы на культуру достигнут 0,8% бюджета, до ожидаемого уровня недостает еще почти полмиллиарда злотых). Эти деньги пойдут на деятельность таких учреждений, как музеи, галереи, филармонии, библиотеки, а также на образовательные программы. Изысканные средства будут также направлены на детальную диагностику кризиса чтения в Польше. Как показали исследования, 56% поляков не держали в течение последнего года в руках ни одной книги! Это был еще один повод для «Граждан культуры» бить тревогу.

— Это триумф культуры над властью, — сказал после подписания пакта Дональд Туск. — Наконец мы начинаем понимать, и в учреждениях, и в администрации, что инвестировать в культуру следует ради самой культуры, но культура — это также окупаемое предприятие для государства, для народа, для всех граждан.

Общественное движение «Граждане культуры» представлено многими выдающимися художниками, в том числе режиссерами Агнешкой Холланд, Кшиштофом Краузе и Кшиштофом Варликовским. Идеи движения разделяют около 90 тысяч поляков. Среди тех, кто поддерживает инициативы «Граждан культуры», нобелевский лауреат Вислава Шимборская, композитор Кшиштоф Пендерецкий, график Марек Рачковский, известный публицист Яцек Жаковский.

— Это прекрасный для нас день, — радовалась 14 мая Агнешка Холланд.

— Это первый общественный договор, заключенный между властью и гражданами со времен августовских соглашений, — сказал Яцек Жаковский.

Директор Национальной библиотеки Томаш Маковский сообщил, что один из экземпляров «Пакта в поддержку

культуры» с подписями премьера и «Гражданин культуры» поступит в Национальную сокровищницу, он будет храниться рядом с рукописями Кохановского, Мицкевича и Норвида.

Май в Варшаве, как обычно, прошел под знаком книги. 12-15 мая во Дворце культуры и науки прошла II Варшавская книжная ярмарка. Свои предложения представили 570 экспонентов из Польши и из 14 стран мира, прибыли представители книжного рынка из Австралии, Армении, Великобритании, Германии, Греции, Индии, России, Тайваня, Украины, Финляндии, Франции, Чехии и Швеции. Во время ярмарки проведено свыше 670 мероприятий — дискуссии, вручение премий, встречи с писателями. Во Дворце за это время побывало 28,5 тыс. посетителей, 300 авторов и более 600 библиотекарей. Среди писателей были Владислав Бартошевский, Юзеф Хен, Эва Липская, Сильвия Хутник, Войцех Кучок, Яцек Денель, Тимоти Снайдер и Виктор Суворов.

Длинные очереди выстроились к Янушу Гловацкому, подписывавшему роман о Ежи Косинском «Good night, Джежи», к Ханне Кралль, подписывавшей свою последнюю, в значительной мере автобиографическую книгу «Белая Мария», но, пожалуй, еще длиннее — к Катажине Грохале, автору популярных бытовых романов, а также к пишущей путешественнице Беате Павликовской.

В первый день Варшавской книжной ярмарки были названы кандидаты на литературную премию «Нике-2011». Двадцать названий книг, конкурирующих за эту по-прежнему пользующуюся самым большим престижем польскую литературную премию. Среди них роман «Хроника умерших» Даниэля Одии, новый сборник стихов Эвы Липской, эссе: «Антик за антиком» Яцека Бохенского, «Самуэль Зборовский» Ярослава Марека Рымкевича, «Дневник, написанный позже» Анджея Стасюка, репортажи: «Тост за предков» Войцеха Гурецкого, «Устрой себе рай» Мариуша Щигела, первый том дневников Славомира Мрожека и автобиография Михала Гловинского «Круги чуждости». В начале сентября будут названы семь книг-финалистов, а в начале октября мы узнаем лауреата.

В тот же день на ярмарке были названы кандидаты в шестой раз присуждаемой литературной премии «Гдыня» в категориях «Поэзия», «Проза» и «Эссеистика». В числе 15 выдвинутых на соискание премии названий — рассказы Юстины Баргельской «Обсоветки», проза Казимежа Куца «Пятая сторона света», эссе Стефана Хвина «Самоубийство как опыт воображения» и

сборник стихов Томаша Ружицкого «Книга вращений». Победителей мы узнаем 18 июня.

Событием ярмарки было сообщение о присуждении (во второй раз) премии имени Рышарда Капустинского за литературный репортаж. Лауреатами стали пишущая по-русски белорусская журналистка Светлана Алексиевич, автор книги «У войны не женское лицо» и переводчик книги Ежи Чех. 13 мая во время торжественной церемонии в Польском театре лауреат получила 50 тыс. злотых, 15 тысяч — автор перевода.

— Важный и прекрасный репортаж Светланы Алексиевич, единогласно признанный лучшим, попал к польскому читателю через двадцать шесть лет после первого русского издания, — сказала при вручении Малгожата Шейнерт, председатель жюри. — Трудно понять такую нерасторопность наших издателей. Это досадно, потому что произведение лауреата, известное сегодня во всем мире, имеет особое значение для поляков, для все еще трудного сближения с русскими, украинцами, белорусами. Благодаря издательству «Чарне», мы наконец получили эту книгу в издании, дополненном по сравнению с 2006 годом. Жюри руководствуется только одним критерием — ценностью произведения. Но, присуждая премию лучшему по нашей оценке репортажу, мы удовлетворены тем, что его автор — смелая писательница из Белоруссии, страны, в которой идет борьба за свободное слово. Алексиевич принимает участие в этой борьбе, хотя вынуждена жить в Западной Европе.

В Кракове событием весны (9–15 мая) был II Литературный фестиваль имени Чеслава Милоша — главное событие Года Милоша в Польше. Съехалось около 130 писателей, поэтов, переводчиков и знатоков творчества нобелевского лауреата с четырех континентов. Среди них, в частности, Вислава Шимборская, Эгидиус Александравичюс, Тимоти Гартон Эш, Франческо Каталуччо, Андрей Хаданович, Стефан Хвин, Олег Чухонцев, Наталья Горбаневская, Ирена Грудзинская-Гросс, Ларс Густафсон, Юлия Хартвиг, Роберт Хасс, Рышард Крыницкий, Олег Лышега, Адам Михник, Томас Венцлова, Хелен Вендлер и Адам Загаевский.

Фестиваль проходил под девизом «Родная Европа», а его главной идеей была проблематика книги Милоша под этим названием: поиск корней, сохранение самобытности, взаимопроникновение и диалог культур и традиций.

Названия произведений Милоша становятся девизами каждого фестиваля. Первый прошел под девизом «Порабощенный ум».

Фестивалю сопутствовала крупнейшая в истории научная конференция «Милош и Милош» в Ягеллонском университете, посвященная польскому нобелевскому лауреату.

Важным событием Года Милоша станет передача в Национальную библиотеку части архива писателя, которая хранилась в Беркли. Министерство культуры и национального наследия финансировало приобретение семейного архива Милошей, в котором хранятся документы, относящиеся даже к XVI веку, а также около тысячи довоенных фотографий.

По случаю Года Милоша выйдет в свет 50 новых переводов произведений нобелевского лауреата. Гжегож Гауден, директор Института книги, координатор Года Милоша, во время пресс-конференции сообщил, что среди новых переводов выделяется перевод на китайский «Порабощенного ума». «Я думаю, что в контексте реалий коммунистического Китая это может оказаться очень важным. Работа над китайским переводом «Порабощенного ума», а также «Родной Европы» продолжается», — сказал Гауден. Институт книги принимает участие в финансировании новых переводов Милоша на литовский, эстонский и русский языки. В частности, в этом году при его поддержке впервые выйдет по-русски роман «Долина Иссы» в переводе Никиты Кузнецова. В России мероприятия, связанные с Годом Милоша, запланированы на осень, а проходить они будут не только в Москве или Петербурге, но даже в таких отдаленных местах, как Иркутск и Владивосток.

Премия Института книги для популяризаторов польской литературы за границей «Трансатлантик-2011» вручена 13 мая в Кракове Власте Дворжачковой. Еще со времени учебы на отделении полонистики Карлова университета в Праге, Дворжачкова занималась пропагандой польской литературы и культуры, в том числе также авторов, печатавшихся в подполье и в эмиграции. «Неоценим ее вклад в популяризацию классиков польской литературы, в частности Морштына, Крашевского, Сенкевича и Мицкевича», — можно прочесть в обосновании премии. Дворжачкова переводила также произведения Милоша, Ружевича, Шимборской и Херберта.

Лауреатами Вроцлавской поэтической премии «Силезиус» нынешнего года стали Уршула Козел за совокупность творчества, Кира Петрек за сборник стихов «Язык пользы», признанный лучшим дебютом (20 тыс. злотых), и Богдан Задура за «книгу года» — сборник «Ночная жизнь». Торжественная церемония вручения присуждаемой уже в четвертый раз премии прошла 7 мая во вроцлавском

Современном («Вспулчесном») театре. Уршула Козел, благодаря за премию, сказала: «Я принимаю ее в особый момент, когда выпускники школ нынешнего года удивляются, что от них на экзамене на аттестат зрелости требуется знание поэзии Павликовской-Ясножевской; из телевизионных программ стихи вообще исчезли. Мне кажется, что Вроцлав начитался Гомера и трактует эту премию как троянского коня — с ее помощью вводит широкую общественность в мир поэзии. Зачем стихи и кому они нужны? Мне кажется, что они могут несколькими строками перенести нас в зазеркалье, в неочевидный мир. Поэты делают это, пользуясь обычными словами, которые мы знаем из повседневной жизни».

В варшавской галерее «Захента» проходит групповая выставка современного белорусского искусства «Открывая двери?». Первый показ состоялся в прошлом году в Центре современного искусства в Вильнюсе. Представлены работы белорусских художников, живущих как в Минске, так и на Западе. Разделенная повседневностью художественная сцена объединяется в этом цельном проекте — сначала в Вильнюсе, сейчас в Варшаве.

Куратор выставки, литовец Кяститус Куизинас, подошел к ее созданию с позиций внешнего наблюдателя. Его взгляд, свободный от повсеместно господствующих стереотипов, не избегает и табуированных тем. Выставка продлится до 20 августа.

Титул «снимка года» на ежегодном общепольском конкурсе фотографии для прессы «Grand Press Photo» присужден работе Яцека Вашкевича (фотоагентство «Репортер»). Фотография сделана перед президентским дворцом на Краковском Предместье во время скандала с крестом, который был установлен там в прошлом году в память жертв смоленской катастрофы. «За высочайшую информационную, содержательную и техническую ценность в сочетании с оригинальным авторским взглядом при соблюдении этических канонов профессии фоторепортера» — так охарактеризовало премию жюри конкурса. На первом плане снимка видна рука, сжатая в кулак, на дальнем — потасовка участников инцидента со службами охраны порядка. И всё на фоне развевающихся национальных флагов.

На экраны кинотеатров в середине мая вышел «Линч» — художественный фильм режиссера-дебютанта Кшиштофа Лукашевича, рассказывающий о подлинной истории самосуда в мазурской деревне в 2005 году. Тогда несколько молодых людей убили 60-летнего рецидивиста, терроризировавшего округу

при полной пассивности полиции, за помощью к которой не раз тщетно обращались. В глазах жителей Влодова убийцы были героями, однако прокурор потребовал для них строгого наказания. Дело тянулось годы, пока участников самосуда не помиловал президент Лех Качинский. Представленный в 2010 г. на Фестивале дебютов «Молодые и фильм» в Кошалине, «Линч» получил Гран-при. Фильм Лукашевича сравнивали со знаменитым «Долгом» Кшиштофа Краузе, описывавшим аналогичное дело — убийство двумя варшавскими бизнесменами гангстера, который их шантажировал. В обоих случаях отчаявшиеся люди вынуждены были взять правосудие в свои руки. Однако есть нечто, рознящее два фильма: разная общественная среда. Лукашевич в интервью порталу «Culture.pl» сказал: «Самосуд во Влодаве показывает определенное постыдное явление, характерное для нашего — думаю, что не только для нашего, — общества. Когда человек из деревни приходит к нам, людям из города, за помощью, мы стараемся отделаться от него как можно скорее. Вроде и надо бы выслушать, но у нас не хватает терпения, потому что они реже моются, потому что от них чаще пахнет спиртным, они бывают необразованными, иногда невоспитанными, не склонны входить в какие-то нюансы. Они по сравнению с нами отсталые, несовременные. И мы от них быстро избавляемся — с облегчением, в переносном смысле, открывая окно, чтобы после них проветрить. Таким образом, «Линч» говорит о грехе пренебрежения. Пренебрежения цивилизаторской обязанностью заботы города о деревне. Фактически мы оставляем деревню наедине с самой собою, и она скатывается к патологиям, рождающимся в провинции».

Итальянский кинематографист Ренцо Мартинелли ставит исторический фильм «Битва под Веной» о венской победе 1683 года. В роли короля Яна III Собесского, победителя турок, снимается польский кинорежиссер (создатель «Essential Killing») и актер Ежи Сколимовский.

— Его благородный облик вместе с артистической харизмой и мировая карьера делают его идеальным исполнителем роли короля. Это именно тот король, которого мы долго искали, — заявил продюсер фильма Алессандро Леоне. В актерском составе, помимо Сколимовского, также Алиция Бахледа-Цурусь, Даниэль Ольбрыхский, Борис Шиц, Петр Адамчик — в роли Леопольда I Габсбурга, а также Анджей Северин — в роли великого поэта польского барокко Яна Анджея Морштына. Фильм — совместная продукция Италии, Польши и Турции. В съемках участвуют свыше ста актеров, 10 тыс. статистов и три тысячи лошадей. Планируется 16 недель съемок в Европе. В

Польше — в Королевском замке в Варшаве, во дворцах в Вильянуве и Ланцуте, в замке в Красичине и в доминиканском монастыре в Кракове. Премьера запланирована на римской площади св. Петра в сентябре 2012 года.

65-летие артистической работы отметила Барбара Крафт, выдающаяся актриса театра и кино, легендарная звезда «Кабаре пожилых господ». Киноманы помнят ее по знаменитым ролям в фильмах «Как быть любимой» и «Рукопись, найденная в Сарагосе» режиссера Войцеха Ежи Хаса. Она снималась также в фильмах Казимежа Куца и Анджея Вайды. Крафт, которая до сих пор регулярно играет на сценах варшавских театров, по случаю юбилея дала 18 мая концерт песни в Драматическом театре. Это было путешествие по ее незабываемым ролям на стыке комедии и гротеска.

Прощания

21 апреля в возрасте 83 лет умерла профессор Алина Витковская, литературовед, выдающийся знаток литературы первой половины XIX века. Она была многолетним сотрудником Института литературных исследований Польской Академии наук, директором института, руководителем Лаборатории литературы романтизма. Витковская — автор многих монографий, научный редактор. Ей принадлежат работы «Мицкевич. Слово и действие», «Литература романтизма», «Товианцы», «Романтизм» (совместно с Рышардом Пшибыльским), а также «Честь и скандалы. Об эмигрантском опыте поляков». В воспоминаниях об исследовательнице профессор Мария Янион написала: «Работы Алины Витковской всегда имели собственный, особый стиль и характер. Уже ее первая книга «Ровесники Мицкевича», посвященная истории поколения филоматов, показала ее большие писательские способности. Да! Прежде всего она была писателем, потом профессором, академиком, ученым. Писала она от руки, как ее герои».

28 апреля в возрасте 88 лет в Лондоне умерла Кристина Беднарчик. Вместе с мужем Чеславом она долгие годы возглавляла в Великобритании одно из самых известных эмигрантских издательств — легендарное «Издательство поэтов и художников». В нем публиковали свои книги Ян Лехонь, Чеслав Милош, Казимеж Вежинский, Ежи Стемповский, Болеслав Таборский, Станислав Винценз, Станислав Балинский, Антоний Слонимский и другие. За время работы издательство выпустило свыше тысячи книг, преимущественно художественную литературу.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

«Тыгодник повсехный» — одно из немногих изданий культурной периодики в послевоенной Польше, начавших выходить, как и почтенный литературный ежемесячник «Творчость» или тоже имеющий свою славу и заслуги еженедельник «Пшекруй» (некогда краковский, а ныне варшавский), с 1945 года. Когда после смерти Сталина редакция «ТП» отказалась поместить некролог на первой странице, решением партийных властей журнал был не то чтобы ликвидирован, а передан сотрудничающей с коммунистами католической группе «Рах», причем сохранил не только название и оформление, но и прежнюю нумерацию, что должно было создать впечатление непрерывности издания. А в 1956 г., когда к власти пришел Владислав Гомулка, журнал вернули прежней редакции, которую до конца своей жизни возглавлял Ежи Турович. В результате переговоров с властями часть членов редакции вошла в созданную в процессе политических перемен депутатскую группу «Знак». В общем — то, довольно очевидно, что как возобновление издания, так и участие в работе парламента представителей независимого католического сообщества (явление совершенно уникальное между Эльбой и Камчаткой) не могло не быть результатом компромисса.

Сегодня, спустя годы, этот компромисс и действия, давшие возможность его заключить, стали предметом исследования историков. Один из них — бывший редактор «ТП» Роман Грачик, опубликовавший книгу, посвященную этим событиям: «Цена выживания. Госбезопасность и “Тыгодник Повсехный”», в которой он утверждает, что четыре редактора журнала выполняли роль сексотов. Обвинения, правда, слабые, основанные более на предположениях, чем на доказательствах (большинство материалов, касающихся этого дела, уничтожено), тем не менее этот труд является предметом уже довольно долгой и оживленной дискуссии, часто критической по отношению к автору, пожалуй, во всех значительных журналах страны. Поначалу мне казалось, что это нечто маргинальное, и потому я не делал соответствующих выписок из прессы. Теперь же вижу, что речь идет о чем-то большем, чем степень достоверности обвинений. В этом меня убедила

статья Эльжбеты Моравец «В зеркале “Тыгодника Повшехного”», помещенная в последнем номере выходящего раз в два месяца краковского журнала «Аркана» (2011, №2–3). Автор пишет:

«В связи с «Тыгодником», в рамках его «золотой легенды», как доказывает Грачик, вспоминают только такие героические деяния, как отказ напечатать некролог после смерти Сталина, а позорное забывают (...). Грачик анализирует поразительное сосуществование с властью на страницах «Тыгодника» в 1956–1989 годах. (...) Две стороны — власть и сотрудники журнала, пойдя на сосуществование, преследовали совершенно разные цели: «Тыгодник» хотел добиться как можно большей независимости, коммунисты, разрешая его существование, хотели как можно сильнее сыграть против католической Церкви и ее нестигаемого примаса, вбить клин между формирующим общественное мнение изданием и кардиналом Вышинским. (...) Несчастьем и парадоксом для сотрудников «Тыгодника» было то, что они хотели властвовать над душами наравне с пастырями Церкви, но в границах, обозначенных коммунистами. Получиться это, к счастью, не могло. Группа «Тыгодника» и «Знака» была особой средой, элитой польской интеллигенции. Коммунисты осознавали ее значение, поэтому госбезопасность следила за очень многими людьми, причем не только собственно из руководства, заведя (как подсчитал Грачик) 300 досье».

Среди попавших «под колпак» была группа из четырех человек, игравших в журнале важную роль: «Грачик с большой осторожностью связывает с ними (...) «малую гипотезу сотрудничества», квалифицируя их случаи как “особые”».

И здесь Моравец подходит к выводам из своих рассуждений: «Если так обстояло дело среди сливок польской интеллигенции, если эта среда была так плотно насыщена агентурой, то что говорить о широких, менее сознательных интеллигентских кругах? Весьма распространенная в этих кругах (университетских, юридических и т.д.) идиосинкразия по отношению к проблеме люстрации не прибавляет оптимизма. А неустанно повторяющиеся попытки перекричать истину (...) не предвещают добра судьбам правды во всё тех же, формирующих общественное мнение, группах».

Отсюда недалеко до утверждения, которое прозвучало во время работы организованного варшавским Институтом Собесского съезда правой, преимущественно связанной с «Правом и справедливостью», интеллигенции: необходима смена польской элиты, которая, как должна доказать, в частности,

книга Романа Грачика, была в предшествующий период вовлечена в сотрудничество с тайной полицией коммунистического режима, и даже если не была вовлечена, то всё-таки заключала с властями разнообразные компромиссы, поэтому она запятнана и должна быть лишена возможности влиять на формирование установок общества. Признаюсь, что это требование для меня особо трогательно: в первый раз оно появилось после 1945 г., когда коммунисты изгоняли из университетов и общественной жизни неугодных интеллектуалов, а во второй раз было возведено Мечиславом Раковским, тогдашним премьер-министром ПНР, через несколько дней после введения военного положения. На сей раз это требование — результат уверенности, что все компромиссы, которые представители интеллектуальной элиты заключали в прошлом с коммунистической властью, были по своей сути предательством. В Польше всё еще, особенно в кругах, определяющих себя как правые, доминирует модель мышления, в которой компромисс не означает ничего, кроме поражения, ибо настоящий поляк не торгуется: либо побеждает, либо проигрывает, а когда проигрывает более сильному, то и в этом случае одерживает моральную победу. Об этом пишет Малгожата Шпаковская в чрезвычайно интересной рецензии на недавно изданную биографию Ярослава Ивашкевича авторства Марека Радзивона — в очерке «Неочевидный» на страницах «Пшеглэнда polityчного» (№103-104), — обозначая исторический фон жизни писателей в Польше:

«У польских писателей есть собственные политические биографии. И из них, конечно, можно извлечь упреки: Мицкевичу — что не прибыл на восстание, Фредро — что смеялся, Гомбровичу — что не вернулся из Аргентины. Такой способ мышления о литературе стал нормой, особенно по окончании последней войны. По идеологическим мотивам творцов квалифицирует сначала новая власть, а вскоре, с противоположным знаком, — общественность. После 1956 г., как известно, начинается период «обращений», иногда трагических, иногда менее драматичных; тогда же начинаются самооговоры, а часто и исповеди в чужих грехах. А в конце появляются нестигаемые, которые никогда и ничему не уступили; они призывают предшественников к покаянию, выставляют моральный счет, наконец — некоторым отпускают грехи. И так происходит почти до конца девяностых».

Но дело в том, что это продолжается и сейчас и еще будет продолжаться, и чем дольше, тем меньше с каждым разом всё более молодые нестигаемые будут считаться в своих оценках с

историей и будут выдвигать по отношению к своим подсудимым пусть и «малые гипотезы» сотрудничества с прежней властью, но дающие им самим чувство превосходства над теми, кого они в этом сотрудничестве «маленько» обвиняют.

Полемизируя с критикующим его Анджеем Фришке, Грачик отвечает статьей «Что можно сказать о памятнике?» на страницах католического ежемесячника «Вензь» (2011, №5–6). «Памятник», ясное дело, — это «Тыгодник повсехный». Грачик пишет в заключении статьи:

«Так постепенно складывалось, что, помимо всего иного, что сегодня столь охотно вспоминают, «Тыгодник» выполнял — тогда, то есть до 1976 г., — некую функцию обращения польских католиков в польскую версию коммунизма. Это была некая цена за возможность издавать легальный журнал и за существование нескольких иных легальных институтов в условиях коммунистического режима. Слишком высокая? Я именно так ставлю вопрос. Анджей Фришке с легионом других бегут на помощь легенде о «Тыгоднике» как о группе неизменно нестигаемых людей».

А в то же время, как пробует доказать Грачик, эти люди не были нестигаемыми, более того — вели с властями игру, которая не всегда и не каждому может показаться морально чистой; и вот сегодня пора обнажить эту практику, потому что, как чуть выше написал Грачик:

«...политика — это искусство достижения трудных целей в невыгодных обстоятельствах, а политика в коммунистических условиях была таковой вдвойне. Так что не следует брезговать, а надо называть вещи своими именами. (...) Если в этом не признаться, а замкнуться во взгляде на «Тыгодник» как на «ковчег выживания», то это означает отказ взглянуть на историю тех времен во всем ее драматизме. Останется сказочка для хороших детей о плохих коммунистах и достойном «Тыгоднике», который с ними боролся денно и ночью».

С Грачиком полемизирует в том же самом номере журнала Анджей Фришке в статье «Мы очень различаемся»:

«Грачик исходит не из конкретной политической, международной ситуации и конкретной ситуации в стране, а именно из определенного «тезиса», каковым ему служит тогдашняя система. Эта система, т.е. коммунизм, — зло, с которым любой компромисс, любая игра марает и позорит. Логическим следствием при таком отвращении было бы не

выходить из дома в течение сорока лет или эмигрировать. Любая общественная ангажированность, а тем более легальная политическая активность оказываются какой-то игрой с системой, получением чего-то в обмен на что-то — хотя бы согласия на издание католического журнала, ставящего под сомнение идеологию и пропаганду системы ценой признания власти, которая выдает разрешение, а также ценой отказа от обсуждения принципов, основополагающих для правителей. Грачик согласен с оценкой, что «практика реального социализма не до конца соответствовала тоталитарной природе системы». Не знаю, однако, разделяет ли Грачик взгляд, что в течение более чем сорока лет существования ПНР поляки должны были решать важные вопросы. Важные не для ПНР, а для народа и государства как такого».

И далее: «Фундаментальная методологическая разница между мною и Грачиком состоит в том, что меня как историка учили главному — сопоставлять оценку человеческого выбора с контекстом и проблемами данного времени, понимать мышление живших когда-то людей и проблемы, которые они пробовали решить, предпринимая те или иные действия. Для Грачика же основой оценки становится перенос тогдашних установок и поступков в плоскость арбитража с применением критериев, установленных на 50 лет позже».

Фришке упрекает Грачика в том, что предпосылки его умозаключений слишком шатки: «Такой метод дедукции особенно заметен при описании «особых случаев». Роман Грачик возмущался, что я не принимаю его предположения о разговорах с госбезопасностью на основе «счетов из кафе», а ведь это не данные «оперативного фонда». Я настаиваю на своей оценке. Не спорю, что названные им четыре лица были зарегистрированы госбезопасностью, верю также, что разговоры имели место. Верю даже, что гэбисты ставили обед или коньяк. Это как раз о счетах из ресторана. Но, кроме этого, мы не знаем ничего. Не знаем — за исключением одного, чаще всего упоминаемого разговора — содержания бесед, то есть не можем их восстановить и оценить. Дедукция, основанная только на факте встреч, ведет в пустоту, к безосновательным гипотезам и подозрениям».

Дело, однако, именно в нагнетании этих подозрений; их конструирование — это базовая предпосылка, позволяющая поставить под сомнение авторитет тех представителей «сливок польской интеллигенции», которые должны быть предназначены «к замене» как бывшая агентура. Но это еще не всё: в то время как одних представителей «сливок» хотят

устранить, других, которые спустя много лет после разговоров со спецслужбами поддерживали нынешних обвинителей, по-прежнему представляют как несгибаемых. Так происходит, например, со Збигневом Хербертом, который о своих встречах с агентами сам писал в письмах к Чеславу Милошу. В свое время пространная статья на эту тему была опубликована в «Зешитах хисторычных». И наконец, даже если мы имеем дело с полицейскими записями этих разговоров, это еще не повод принимать их содержание как безупречную инвентарную опись, тем более что мы не можем воссоздать контекст: в конце концов, агенты не упоминают, например, о том, как шантажировали своих «собеседников».

Но прочтение этих документов — это область соответствующего исторического исследования. А пока что речь идет больше о делах, связанных с днем сегодняшним. В отчете об упомянутом уже съезде правых «Правые размышляют», принадлежащем перу Петра Косевского («Тыгодник повшехный», 2011, №20), можно прочесть:

«Институт Собесского утверждает, что это не была встреча узкого политического круга. И правда, на съезде раздавалось много голосов, которые не вписывались в идейные, а тем более партийные рамки. Но очень характерны слова Ярослава Качинского: «Не приветствуйте меня, я среди своих». Вот такая констатация составила основу дебатов. И не видно шансов на преодоление дихотомии, даже если представители правого мышления отдадут себе отчет в том, что «поляризация партийной сцены делает невозможным серьезный спор» (...). Не только Ярослав Качинский был «среди своих», но так определяла его место значительная часть из нескольких сотен слушателей».

И так это и останется. Серьезная дискуссия невозможна, если она не открыта для чужих, при отсутствии возможности переговоров, а в результате не принесет того, что в особенности для этих правых неприемлемо, — компромисса.

УЛЫБКА СУДЬБЕ

Алина Бродская-Вальд (1929–2011) — выдающийся гуманитарий и эрудит, работала в Институте литературных исследований Польской Академии наук. Писала, однако, очень немного; можно сказать, что она пренебрегла собственной научной карьерой ради своих молодых коллег. Бродская кропотливо вникала во все их работы, давала бесценные советы и указания. Пользуясь безусловным научным авторитетом, Бродская в то же время становилась для многих конфидентом в их личных делах. Нечасто, но удавалось услышать от нее воспоминания, семейные истории, которые, к сожалению, она не хотела записывать. Изустно известно о ее матери, русской, которая после октябрьской революции работала в секретариате Анатолия Луначарского, а после ареста жениха решила бежать за границу. Фиктивно вышла замуж за польского еврея и выехала с ним в Варшаву. С этим мужем она связала всю свою жизнь. Их дом во второй половине тридцатых годов был местом транзита для добровольцев, направлявшихся в Испанию, чтобы сражаться за республику. Как же много таких историй ушло вместе с Алиной Бродской.

Редакция

— Откуда у вас эта неизбывная дружелюбность к миру, готовность перейти со всем миром на «ты»?

— Потому что я считаю, что я — дитя счастья. Ну, сейчас уже старуха счастья. Люблю людей, люблю жить, люблю улыбаться. Улыбка — это первое мое утреннее действие. Я стараюсь не просыпаться с раздражением.

— А кому эта первая улыбка?

— Дню, людям. Это просто бунт против того, чтобы расценивать жизнь как экзистенциальную драму. Кроме трагических крайностей. А здесь у меня есть шкала сравнений. Я думаю, что мы мастера портить себе жизнь. Поэтому я в дружеском общении, среди знакомых и даже среди незнакомых улыбаюсь. Это никакая не идеология, это врожденное.

— И трагические крайности врожденной улыбки не гасят?

— Если человек уцелеет под бомбами, то потом ему кажется, что каждый день — это подарок. Из всего нашего дома в

сентябре 1939 г. выжил один маленький подвал, 14 человек. Моя жизнь складывалась из многих обстоятельств, в которых мне дано было уцелеть. В результате у человека рождается чувство благодарности, что есть жизнь, что есть сегодняшний день.

— Вы любите людей, а не книги? Четыре комнаты в книгах, прихожая — тоже, и диваны, и письменные столы, кофейные столики. Ваша жизнь наполнена книгами.

— Мягко сказано. Дом забит книгами, что я пробую компенсировать цветами, но их почти не видно. Когда у тебя есть книги для чтения и что-то зеленое, на что можешь посмотреть, ты не имеешь права трактовать жизнь в категориях трагедии. Зачем ее самому себе портить? Не то чтобы я хотела заколдовать жизнь, я уверена, что так проще жить.

— В каком доме родилась у вас улыбка, ведь она, наверное, из дома?

— Дом — это самая суть. Я не представляю себе более счастливого детства, чем мое. Не то чтобы оно было лишено строгостей, что это был такой с начала до конца пряничный домик. Я воспитывалась в семье, где было несколько поколений и несколько вероисповеданий. Мама — русская, фантастически говорила по-польски. Отец был по образованию юристом и экономистом, 9 лет провел в России, потому что дед, работник банка и чиновник, во время Первой Мировой войны был переведен в Россию.

Родители, брат, няня — мы все очень любили друг друга. Воспитание было полностью открытое, без табу для детей. Семья — очень пилсудчиковская, сильно связанная с Легионами. У родителей были социалистические взгляды, но они не принадлежали ни к какой партии, голосовали за ППС. Мы все слушали радио. Мне было пять лет, когда зачитывали декларацию Лагеря национального единства; я помню речь Адама Коца и выражение лиц родных, собравшихся вокруг приемника. Я помню, как началась война в Испании. А когда умирал Пий XI (помню как сегодня), кто-то из родителей сказал: «Уже ничего не будет так, как раньше». Это, наверное, знаменательно, что маленькая девочка принимает участие в дискуссии о следующем римском папе.

— Привычка тревожиться о человечестве за завтраком?

— Да, конечно. Ехать на велосипеде и читать газету — такое, в шутку говоря, умение было в определенной степени у каждого в нашей семье. То, что в нашем доме была русская, оказалось

невероятно важно для воспитания. Лишь один-единственный раз воспитание не сработало. Мама взяла меня в кино на «Костюшко под Рацлавицами». Выходим после фильма, и она говорит: «Ужасный кич», а я отвечаю: «Потому что ты москалька». По сей день не могу себе простить, что что-то такое сказала. Она рассмеялась. Но у нас в семье никто никем не притворялся. Заинтересованность тем, что происходит в мире, была естественной, жизненной потребностью. Я думаю, что это сказалось на всей нашей жизни, даже на том, как родители выбирали мне школу. Первой была французская школа, а через два года — школа в общественном смысле экуменическая. Мама записала меня в школу им. королевы Вазы, принадлежавшую евангелическо-аугсбургской общине. Трудно было выбрать лучше. Рядом была такая же мужская школа — имени Миколая Рея. Из этой школы в живых осталось только несколько мальчиков. Все погибли — сразу, потому что отказались становиться гражданами Рейха. Или потом в подполье. Или в восстании. Без пышных слов.

— С кем бы из вашего поколения мне ни приходилось говорить, военное время предстает главным для самосознания. Несмотря на то, сколько пережито событий, эпох, режимов.

— Повторю, что я дитя счастья, так что не хочу заниматься мартирологией. Я всю жизнь считала, что не имею на это права. Мое положение во время войны было довольно необычным. Родители отца жили в гетто, на Орлей улице, 13, квартира 26. Один из братьев отца был в Англии, другой вывезен в Сибирь. Бабушка, урожденная Визель, венка, прекрасно знала немецкий. Скорее всего, они спаслись бы вне гетто. Но им было под восемьдесят, и они никак не поддавались уговорам съехать с Орлей. Кроме того, мало кто в начале оккупации представлял себе, что будет потом. Поэтому, чтобы быть рядом с бабушкой и дедом, когда 15 ноября 1940 г. вышел приказ о закрытии ворот гетто, мы погрузились на повозку, к удивлению соседей: семейство Бродских едет в гетто. Отсюда эта Орляя, 13. Наверное, правильно, потому что дед и бабушка умерли дома, в своей постели, потому что были похороны. А мы — родители, брат, я — из гетто выбирались, каждый по-своему, но нам всем это удалось. Я никогда не скрывала своего происхождения, потому что иначе должна была бы сойти с ума.

— Но вы так никогда и не написали воспоминаний

— Лишь один раз, в письме к другу, я рассказала о своей жизни, объясняя, почему не пишу воспоминаний. Потому что мое жизнеописание не может никому понравиться. Я была в группе детей, которую опекал ксендз Генрик Коморовский, викарий

костела на Лесной, одного из трех действовавших католических храмов в границах гетто. Моим ровесникам из гетто могло показаться, что мы были под какой-то особой материальной опекой, в то время как мы попросту играли с ксендзом Генриком в волейбол и ходили на службы. По происхождению польский крестьянин, он с интеллигентными поляками еврейского происхождения в таком числе, наверное, встретился в первый раз в жизни. Он был чудесным человеком. Я тогда не имела никакого представления о еврейских традициях. Зато у меня был курносый нос — сегодня знаю, что скорее картошкой. Он очень упрощал ситуацию.

Я решила, что мои воспоминания никому не будут близки, никому не может понравиться такой привилегированный ребенок из гетто. Как можно сравнивать, например, ситуацию Михала Гловинского и мою. Каждое обращение к воспоминанием для него было возвратом к муке и трагедии. А мне нечего было сказать.

— Никто никогда не ожидал от вас деклараций национальной принадлежности?

— Когда я училась на втором курсе полонистики и одновременно уже работала в Институте литературных исследований, Ирена Славинская, великий театровед, спросила: «Ты из Бродских с Поморья или из Великопольши?» Я ответила: «Пани Ирена, я думаю, что из Бродов». Она обняла меня и сказала: «Прекрасно». Мне не приходило в голову, что я должна что-то скрывать, чего-то бояться, стыдиться, и это был один-единственный раз, когда кто-то у меня спросил, в такой старосветской манере, из каких я Бродских.

— Вы всегда жили на улицах, словно прямо из стихов о Варшаве. Вспульная, Кошиковая, Фильтровая, а сейчас на каком-то чудом уцелевшей в войну Львовской.

— Перед Орлей была Опочинская, а после Орлей... По порядку. Ксендзы были в гетто до воскресенья 21 июля 1943 года. 22 июля должен был начаться вывоз детей. Родители меня заставили выйти из гетто и добраться на Рашинскую. Я должна была просто пройти через ворота возле Arbeitsamt на углу Железной и Холодной и идти дальше. Я шла через весь город. Единственное, что у меня было (полное безумие!), — это школьная справка. И еще метрика от ксендза Коморовского, по которой я была Алиной Броцкой из Вильно. Был прекрасный летний день, загорелые люди, девушки с цветами, у меня было ощущение, что все это нереально. Я дошла до Рашинской, где меня ждала Ядвига Белецкая, протестантский друг нашей семьи, которая

отвела меня в Мариинское сестричество на Хожей, 5, к чудесному приору, матери Малгожате, протестантке. Там оказалось, что я уже сильно больна свинкой, и я попала в лазарет, но это всё закончилось благополучно. Я не имела представления, что происходит с родителями, этого никак нельзя было узнать.

— *Вы помните эти детские чувства? Как долго длилась печаль?*

— Не так уж долго. В один прекрасный день появилась мама, отец ее заставил выйти из гетто раньше, чем он. Тогда решили, что меня поместят на Мотоковской, 55 — у сестер ордена Воскресения, потому что это очень просвещенная конгрегация. Подружки не знали, кто я, а монахини знали все, доказательство чему я получила лишь один раз. У меня были прекрасные каштановые волосы. Вьющиеся. И однажды сестра Поплавская, из тех самых Поплавских, сказала: «Пойдем, подстригу тебя, у тебя слишком большие кудряшки». Как можно не любить людей после чего-то такого?

В этом доме во время Варшавского восстания был госпиталь, в котором я, как и другие девочки, ухаживала за ранеными.

— *Во время восстания вы что-то знали о своих?*

— Весь этот период почти не было контактов. Но после восстания, в Прушкове, в том огромном зале, я узнала, что родители живы. Я всегда была маленького роста, тогда выглядела лет на десять. Сестра Евстафия взяла всех младших девочек и просто вывела нас за ворота. Мы доехали до Ченстоховы. Самым разумным было ждать, что мама начнет меня искать. Она написала тогда во все воскресенские монастыри. И нашла меня. А потом каким-то чудом в деревне Пшонслав под Енджеевым нас нашел мой брат. И сразу же уехал, чтобы найти свою жену и ребенка.

— *Война уже окончилась, а вся семья все еще не собралась?*

— Теперь уже я отвезла маму в Ченстохову, к монахиням, и отправилась искать брата. Уселась на крышу поезда, было тепло, конец марта 1945 го, я не выглядела на свои 14 лет, говорила по-русски, мне было проще. Я уже знала, что брат работает в больнице в Коморове. Так что я ходила из дома в дом по Коморову и спрашивала, где живет врач, высокий, в очках, очень видный. Пошла в указанный мне дом и увидела трех чертей, перемазанных дегтем: Янек, Галина, его жена (она вскоре умерла), их ребенок. У всех была чесотка. Я распорядилась: собираемся, едем в Варшаву, сбор на

Фильтровой. Паковать было нечего, с бутылкой спирта мы приземлились в Варшаве.

— *А почему Фильтровая?*

— До войны там жил ротмистр Стефан Липский, который во время войны был партизаном в Кампиносской пуще, воевал вместе с женой, моей кузиной. У нас был уговор: после войны встречаемся на Фильтровой. К счастью, там уцелел кусочек квартиры.

— *До войны вы были еще ребенком, после войны — уже подростком. А когда формировались ваши увлечения, знания литературы, интеллект?*

— Я начала читать, когда мне не было пяти лет, а в школу пошла, когда еще не было шести. Так что ребенком я или читала, или баловалась. И потом никогда не переставала читать. Неподалеку от Орлей была библиотека «Ренессанс», я два раза в неделю брала по пять книжек, иногда три раза в неделю.

— *И само собой получилось, что вы стали образованным человеком?*

— Я читала как одержимая, одна книга вела меня к другой. Родители очень заботились, чтобы я знала языки. В школе военных лет, какой бы она ни была, преподавала прекрасная учительница немецкого. Так что я знаю немецкий, английский, французский, русский. Собственно, эти языки я знала с детства. И это мне очень помогло. Читала немецкую литературу, читала на четырех языках.

— *Что бы ни происходило, вы читаете?*

— В хороших довоенных издательствах были рекомендательные списки книг. В 12 лет я читала, например, «Идеальный брак» ван де Вельде, пряча книгу от мамы под шкафом. Прочла всех польских классиков. У меня был период религиозных увлечений. Не читала только в Енджееве, куда попала с мамой на некоторое время из Ченстоховы. Мама организовала там подпольную школу, и надо было за несколько месяцев подготовиться к экзаменам в третий класс гимназии.

— *Перерыв в чтении на учебу? А сейчас говорят разные ученые пророки, что приходит конец чтению, конец эпохи Гутенберга.*

— Мне невероятно везет все время встречать людей, которые читают при любой возможности. И это люди как из

интеллигентских семей, так и из таких, в которых хорошо если предыдущее поколение читало хотя бы газеты.

— *Вы и дальше читали как одержимая?*

— Да, по сей день. Еще недавно, когда у меня был отпуск, я ездила в Лондон, целый день сидеть в British Library и читать всё, что британские еженедельники рекомендуют прочесть. Вы знаете, что в Англии прекрасно развита система публичных библиотек. Входишь в библиотеку на Пикадилли, — и у тебя под рукой всё, что только захочешь. Я очень хорошего мнения об английской литературе последних 20 лет. Намного ниже оцениваю французскую прозу, за исключением Мишеля Уэльбека. К сожалению, с трудом к нам добираются самые интересные русские книги. Меньше слежу за современной немецкой литературой, но здесь, как только появляется хорошая книга, ее сразу переводят на польский. В Европе уже десятилетие, даже два, серьезных книг. Мы, поляки, как-то поотстали. Этот наш перекося в сторону легкой, впрочем очень хорошей, детективной литературы... Который всегда был характерен, скорее, для Америки.

— *Представляете ли вы себе мир без романа? В последнее время говорят, что всё это устарело и не нужно.*

— Это не так. Не бывает, чтобы не происходило чего-то плохого. Но из жизненного опыта я знаю, что даже в одной семье бывает большой разброс в отношении к книге. Вот муж, прекрасный мастер, золотые руки, сделает всё из ничего, а читать не любит; жена — бухгалтер. Если что-то интересное только что перевели — это к ней: скорее всего, уже купила. Бывает много неожиданного. Вот родители студентки, оба мастеровые. Девушка учится в Париже по гранту. Когда приезжает, рассказывает о новых книгах, некоторые уже переведены. Родители просят: дай почитать. И она приучает к чтению всю семью, для которой по вечерам существовали только новости, сериал — и всё. Я думаю, что больше всего требует внимания ребенок, когда вырастает из возраста игр. Тогда стоит спрашивать, о чем бы он хотел узнать, и поощрять: загляни в Гугл, доставь мне такое удовольствие, поищи дальше. Это действует. Ребенок не только ломает голову, но и узнаёт что-то новое.

— *Пусть читает что угодно?*

— Я вот недавно купила за каких-то 20 злотых книгу Кена Фоллетта и думаю: надо же, чтение чего-то просто интересно написанного может быть радостью. Можно отдохнуть, а мы

любим, чтобы что-то не требовало усилий и доставляло удовольствие, есть у нас у всех такой грешок. Так что, мне кажется, именно бессистемное чтение может послужить упрочению любви к книге, к тому, чтобы держать ее в руках. В этом смысле я понимаю, например, Мариуша Чубая, который печатается в «Политике». Я, кстати, рецензировала его диссертацию о жолибожской интеллигенции. Я всё могла предвидеть, только не то, что он будет писать детективы, но они очень хорошие. Есть литературоведы, у которых нет времени читать книги. И они даже пишут о книгах, которых никогда не держали в руках. Иногда после ряда лет упорного чтения я назначаю себе штраф: снова прочитать несколько методологических книг. Но потом я уже с чистой совестью читаю литературу.

— *Наверное, вы не умеете ни одну книгу выбросить?*

— Нет, книга ведь партнер в жизни.

— *А неметафорические партнеры? Вы имели счастье делить кров с масштабными фигурами: Стефан Амстердамский, философ, потом Игнаций Вальд, генетик.*

— Это огромное счастье. У меня в молодости было немало приключений, я была в прекрасной среде Института литературных исследований. Смешно, но именно благодаря этому я по 11 часов в день проводила в профессорской библиотеке. Наконец, поехала по гранту в Париж. Была уже, как я думаю, более чем взрослой, когда встретила там со Стефаном в 1960 г.; было отчасти так, словно мы ждали друг друга много лет. Я могу о нем говорить только хорошее. Это прекрасная личность, а вдобавок феноменальный организатор. Я говорю не о порядке в доме, а об организации любого дела или институции, которые его заинтересовали. Был прекрасным преподавателем. Будил меня в три часа ночи, если что-то писал, чтобы я немедленно прочитала. Кшись Помян называл это домогательством. Во время пребывания в Париже в конце 60-х у нас был прекрасный брак. В суде вообще не очень понимали, почему мы разводимся. Да, глубокая и сердечная привязанность, но не сумасшедшая любовь.

А вот если говорить об Игнации... Мне словно бы снова было 17 лет. Мы были знакомы, наверное, с 1945 года. Его первая жена Яна во время войны страшно рисковала, у нее была настолько характерная внешность, что родная мать боялась выходить с ней на улицу. Но школьная подруга не побоялась взять ее к себе в дом, сказав матери: «У меня будет жить подруга, которой жить уже нигде». Из-за военных страхов Яна всю жизнь хотела

уехать из страны, чтобы ее дети были в безопасности. Это были панические разговоры, которые, кстати, часто происходили в нашем доме. Стефан и Игнаций в комнате, а мы на кухне. И Яна уехала.

— *Семья Амстердамских дружила с семьей Вальдов?*

— Да, очень. И эта дружба целыми семьями до сих пор крепка.

— *Игнаций Вальд умер в 1991 году. Как помнится такая любовь?*

— Такое может случиться только раз в жизни. Среди моих друзей всегда было больше мужчин, чем женщин, но такая дружба, как с Игнацием, была невозможна больше ни с кем, в любом отношении. Даже в смысле книг. Если бы он был жив, то не знаю, не прочел ли бы он больше меня. Выходила хорошая книга, он покупал, вечером начинал читать, на другой день брался за следующую. Независимо от того, что это было — биология, генетика, математика, статистика или художественная литература.

— *А кроме двух мужей, вам встретилось еще много мудрецов?*

— Я никогда не скрывала своей совершенно неэротической любви к Толстяку, то есть Стефану Жулкевскому. Если бы он жил в иные времена, то был бы мудрецом мирового ранга. Разве что ему ужасно трудно давались языки: он читал, но не говорил. Юрека Едлицкого я тоже считаю мудрецом, — он, к счастью, жив.

— *Почему вы не написали книги? Думается, любой человек — это потенциальный автор хотя бы одной, о себе.*

— Был период, когда я очень много писала. Но никогда о себе. Сегодня выходят книги на польском языке, которые я рецензировала по горячим следам 30–40 лет назад... О, настоящим мудрецом был Леви-Стросс. Это, кажется, его фотография сейчас упала с полки?

— *Почему вы, будучи мудрецом, не хотите быть творцом?*

— Всю жизнь я очень любила учить; не имею представления, сколько у меня было аспирантов, перестала считать. Я одна из двух ныне живущих основателей олимпиады по полонистике. Там отлавливаю самых способных, самых интересных. Это не должны быть самые многоречивые, просто чувствуешь блеск гения, а иногда что-то скрытое, над чем надо будет поработать. Может, через годы это будет скорее бенедиктинец, чем первооткрыватель, но что-то я никак не припомню никого, в

ком бы я ошиблась. Так что отлавливаю кого-то такого, и потом еще шесть лет обучения, потому что они обычно учатся по двум специальностям. И этим я очень счастлива: много выдающихся имен польского литературоведения — это мои воспитанники.

— *А вы еще напишете книгу?*

— Нет. Думала, что напишу, но нет. Нескромно скажу, что слишком легко мне отличить литературу среднюю от великой.

Беседу вела Эва Вильк

Профессор Алина Бродская-Вальд (1929–2011) изучала полонистику в Варшавском университете. Со второго курса начала работу в Институте литературных исследований Польской Академии наук. Руководила исследованиями, например по спорным вопросам современной польской литературы и литературы о Катастрофе. Член жюри различных литературных конкурсов, член Совета ежегодной акции газеты «Политика» «Останьтесь с нами!» (стипендии для молодых ученых). Ученики и сотрудники посвятили ей четыре коллективных книги-эссе. Во вступлении к одной из них, «Маски современности», написано об Инке (под таким уменьшительным именем она широко известна в интеллектуальной среде): «Она навсегда связана с официальной историей Института литературных исследований и практикой неофициальных семинаров, курсов по некоммерческой литературе. Она невероятно чутка к индивидуальности и неповторимости творческой личности. Ничего никогда не навязывая, она терпеливо и мудро ожидала, когда такая личность сама выйдет на свет. Открытая и терпимая, она укрепляла в учениках свои лучшие черты — неприятие фразерства и рутины в науке».